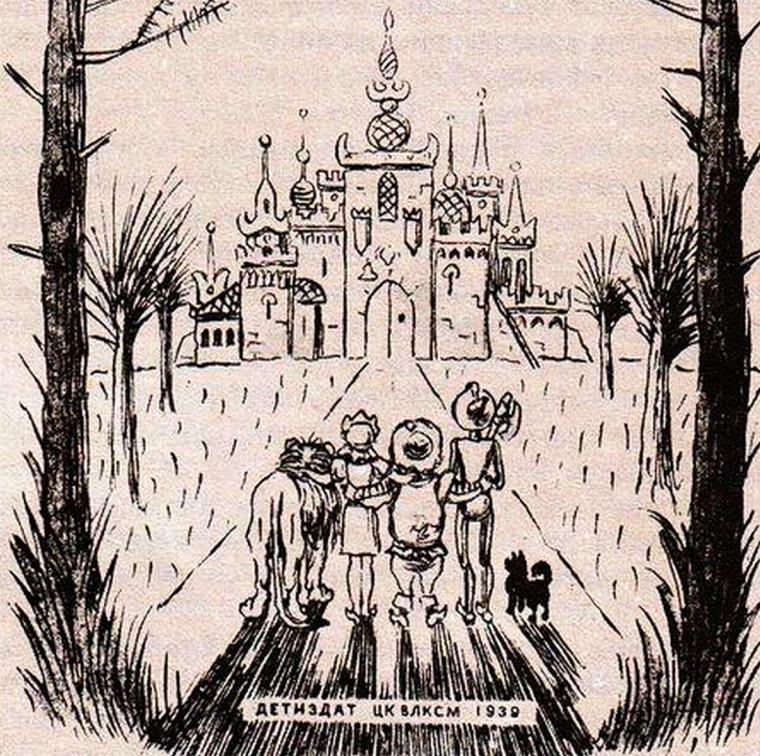
А. ВОЛКОВ

ВОЛШЕБНИК ИЗУМРУДНОГО ГОРОДА



ДЕТИЗДАТ ЦК ВЛКСМ 1939

Волшебник Изумрудного города
Александр Мелентьевич Волков

Аннотация
А. Волков. Волшебник Изумрудного города
Ураган
Элли в стране Жевунов
Элли спасает Страшилу
История Страшилы
Спасение Железного Дровосека
Элли в плену у Людоеда
Встреча с Трусливым Львом
Тигромедведи
Переправа через реку
Маковое поле
Королева полевых мышей
В гостях
Изумрудный город
Удивительные превращения волшебника Гудвина
Злая волшебница Запада
Гибель Бастинды
Возвращение в Изумрудный город
Разоблачения Великого Волшебника Гудвина
История Гудвина

Чудесное искусство Великого Обманщика
Снова в путь!
Наводнение
В поисках друзей
Лев становится царем зверей
Стелла
Заключение

Аннотация

«Волшебник Изумрудного города» — переработка сказки американского писателя Франка Баума «Мудрец из страны Оз».

Для младшего возраста.

А. Волков
Волшебник Изумрудного города









Ураган

Элли жила среди великой канзасской степи. Ее дядя, фермер Джон, целый день работал в поле, тетка Анна хлопотала по хозяйству.

Жили они в фургоне, снятом с колес и поставленном наземь.

Обстановка домика была бедна: железная печка, шкаф, стол, три стула и две кровати. Посреди пола был люк, через который можно было спуститься в «ураганный погреб». В погребе семья отсиживалась во время бурь.

Канзасские ураганы не раз уже опрокидывали жилище дяди Джона. Но Джон не унывал: когда утихал ветер, он поднимал легонький домик, печка и кровати ставились на места, Элли собирала оловянные тарелки и кружки — и все было в порядке до нового урагана.

Вокруг до самого горизонта расстилалась скучная, серая степь. Подстать унылой степи была хозяйка домика.

Тетка Анна никогда не улыбалась: смех и шумные игры Элли с веселым песиком Тотошкой удивляли ее. Она не понимала, как можно играть

и смеяться в такой скучной стране.

Канзас был родиной Элли. Она родилась в таком же маленьком домике, и та же степь была вокруг, и так же в бурю ее родители отсиживались в «ураганном погребе». А когда Элли осиротела, дядя Джон взял ее к себе.

Элли помогала тетке Анне по хозяйству. Дядя Джон учил ее читать, писать и считать. Он обещал взять ее на ярмарку в соседний городок, и девочка с нетерпением ждала поездки. Она не раз видела во сне ярмарочные балаганы с игрушками и сластями, цирк, клетки бродячего зверинца с обезьянами и львами.

Девочка любила забавляться с Тотошкой. Это был черный песик с длинной шелковистой шерстью, косматой мордочкой, остренькими ушками и маленькими, забавно блестевшими черными глазками. Тотошка всегда был весел. Он готов был играть с девочкой целый день.

Но сегодня Элли было не до него. Дядя Джон сидел на пороге и беспокойно смотрел на небо, более серое, чем обычно. Элли стояла около дяди с Тотошкой на руках. Тетка Анна мыла в доме посуду. Вскоре дядя Джон и Элли услышали с севера гул ветра. Трава прилегла к земле, и по ней побежали волны. Одновременно и с юга послышался

надвигающийся шум ветра. Дядя Джон вскочил.

— Будет ураган! Пойду загоню скот в сарай! — заторопился он.

Тетка Анна подбежала к двери.

— Скорее, Элли! — пронзительно закричала она. — В погреб!

Тетка Анна откинула дверцу погреба и спустилась в темную яму. Тотошка выскользнул из рук девочки и забился под кровать. Элли напрасно старалась вытащить его оттуда. Наконец она поймала Тотошку и была уже около люка, но порыв урагана так встряхнул домик, что девочка невольно села на пол.

Случилась странная вещь.

Домик перевернулся два или три раза, как карусель, и медленно поднялся. Северный и южный ветры столкнулись там, где стоял легкий домик. Он оказался в центре циклона. Вихрь закружил его, поднял вверх и понес по воздуху.

В комнате было полутемно, и ветер завывал вокруг. Домик, покачиваясь, несся по воздуху. Тотошка был недоволен. Он бегал по комнате с азартным лаем, недовольный тем, что творилось вокруг. Элли растерянно сидела на полу. Вдруг Тотошка подбежал к открытому люку и упал в него. Девочка взвизгнула от ужаса и горя. Но скоро

из дыры показались остренькие ушки собачки. Давление воздуха вытолкнуло Тотошку обратно, и он плавал среди люка, повизгивая от страха. Девочка подползла к дыре, вытащила песика за ухо и захлопнула дверцу.

Элли чувствовала себя очень одинокой. Ветер так гудел, что оглушил ее. Ей казалось, что домик вот-вот упадет и разобьется. Но время шло, а домик все еще летел. Элли вскарабкалась на кровать и легла, прижав к себе Тотошку. Под гул ветра, плавно качавшего домик, Элли крепко заснула.

Элли в стране Жевунов

Элли проснулась от сильного толчка и вспомнила, что случилось. Тотошка лизал горячим мокрым язычком лицо Элли и скулил. Девочка спрыгнула с постели. Домик не двигался. Солнце ярко светило через окно. Элли, подбежала к двери, распахнула ее — и вскрикнула от удивления.

Ураган занес домик в страну необычайной красоты. Вокруг расстилались зеленые лужайки; по краям их росли деревья со спелыми, сочными плодами; на полянках виднелись клумбы красивых цветов. Невиданные, ярко оперенные птицы порхали и пели. Невдалеке журчал прозрачный поток; в воде резвились серебристые рыбки.

Эта картина поразила Элли. Ей казалось, что она видит удивительный сон. Элли даже протерла глаза, но все осталось на своем месте.

Пока девочка нерешительно стояла на пороге, из-за деревьев появились самые забавные и милые человечки, каких только можно вообразить. Ростом они были не выше Элли. Мужчины были одеты в голубые бархатные кафтаны и узкие панталоны; на ногах блестели голубые ботфорты

с отворотами. Но больше всего Элли понравились остроконечные шляпы: верх их украшали хрустальные шарики, а под широкими полями нежно звенели маленькие колокольчики.

Старая женщина, вся в белом, важно выступала впереди трех мужчин; на остроконечной шляпе ее и на мантии сверкали крошечные звездочки. Седые волосы старушки падали ей на плечи.

Вдали, за фруктовыми деревьями, виднелась целая толпа маленьких человечков; они стояли перешептываясь и переглядываясь, но не решались подойти ближе.

Послы этих робких маленьких людей приветливо и несколько боязливо улыбнулись Элли. Потом дружно двинулись вперед и разом сняли шляпы. «Дзинь-дзинь-дзинь!» прозвенели колокольчики. Элли заметила, что челюсти маленьких людей беспрестанно двигались, как будто что-то пережевывая.

Старушка обратилась к Элли:

— Могущественная Фея! Приветствуем тебя в стране Востока! Ты убила злую волшебницу Гингему и освободила Жевунов!

Элли была изумлена. Почему ее называют феей и кого могла уничтожить она, Элли, не убившая в своей жизни даже воробья?!

Маленькая старушка ожидала ответа.

Элли сказала:

— Вы очень любезны, но тут ошибка: я никого не убивала.

— Это сделал домик, но, конечно, по твоему приказанию, — промолвила белая старушка.

И человечки воскликнули хором:

— Это твой домик — крак! крак! — убил злую волшебницу Гингему! — и разом взмахнули шляпами.

«Дзинь-дзинь-дзинь!» прозвенели колокольчики.

— Смотри! — старушка указала на угол дома. — Вон ее ноги!

Элли отпрянула с криком ужаса. Из-под домика высовывалась пара ног в хорошеньких серебряных башмачках.

— Ах, какое горе! — вскричала Элли, сжимая руки. — Это все гадкий ураган виноват! Что же делать?

— Теперь ничего не сделаешь, — спокойно сказала старушка.

— Кто она?

— Гингема, злая волшебница Востока. Она много лет правила Жевунами и заставляла их работать день и ночь.

— Она заставляла нас работать день и ночь! — хором сказали Жевуны.

— А вы тоже Жевунья?

— О нет! Я — Виллина, северная волшебница. Когда твой домик раздавил Гингему, я узнала об этом из волшебных книг, и вот я здесь!

— Неужели вы действительно волшебница? — со страхом вскричала Элли.

— Ну да! — ответила Виллина. — Но я волшебница добрая, и мой народ любит меня. Гингема была сильнее меня, а то я давно освободила бы моих друзей Жевунов.

— Я думала, все волшебницы злые.

— Это неверно. Было четыре волшебницы в стране Гудвина. Две из нас — северная и южная — добрые. Но восточная и западная — действительно очень злые. Ты убила Гингему, и теперь осталась только одна злая волшебница в стране Гудвина.

Элли покачала головой.

— Как же тетка Анна говорит, что на свете нет больше волшебниц?

— Кто это тетка Анна? — спросила Виллина, презрительно поджав губы.

— Она живет в Канзасе.

— Никогда не слыхала о такой стране, — сказа-

ла старушка. — Что бы ни говорила твоя тетка, в стране Гудвина еще живут волшебники и мудрецы.

— Кто такие мудрецы?

— Самый великий мудрец — Гудвин, — прошептала волшебница. — Он могущественнее нас всех. Он построил Изумрудный город…

В это время Жевуны подняли дружный крик и показали на угол домика, под которым лежала убитая волшебница.

— Смотрите! Смотрите!

Старушка засмеялась: ноги убитой волшебницы исчезли, и на земле стояли только серебряные башмачки.

— Гингема была очень, очень стара, — сказала северная волшебница. — Она боялась солнца и пряталась от него. Она выходила из дому только ночью и по утрам. И теперь солнце обратило ее в горсть пыли. Серебряные башмачки твои, и ты можешь их носить.

Виллина хлопнула башмачками, стряхивая пыль, и подала их Элли.

— Гингема дорожила башмаками больше всех своих сокровищ, — сказал один из Жевунов. — В них — волшебная сила.

Элли унесла башмачки в домик и поставила

на стол.

— Я хочу вернуться к дяде Джону и тетке Анне. Они скучают обо мне. И я должна ехать с дядей Джоном на ярмарку. Как мне найти путь в Канзас?

Жевуны и северная волшебница покачали головами.

— На востоке, на юге и на западе — пустыня, — сказал старый Жевун. — И, кроме того, злая западная волшебница захватывает в рабство всех, кто приходит в ее страну.

— Север — мои владения, — молвила Виллина. — За ними — тоже великая пустыня. Боюсь, моя крошка, не пришлось бы тебе жить с нами!

Глаза Элли наполнились слезами. Добрые Жевуны очень огорчились и тоже заплакали, утирая слезы голубыми носовыми платочками. Жевуны сняли шляпы и поставили их на землю, чтобы колокольчики своим звоном не мешали им рыдать.

Старушка долго смотрела на плачущую Элли и потом сказала:

— Иди в Изумрудный город. Я думаю, Гудвин тебе поможет.



Жевуны очень огорчились и тоже заплакали.

— Где этот город? — спросила Элли, утирая слезы.

— Он в центре страны. Великий мудрец и волшебник Гудвин построил его и управляет, им.

— Он добрый?

— Да, он добрый волшебник. Об этом знает вся страна, хотя он живет необычайно таинственно и никто не видал его после постройки города, а она закончилась много лет назад.

— Как же я дойду до Изумрудного города?.

— Дорога далека. Не везде страна хороша, как здесь. Есть темные леса со страшными зверями, есть быстрые реки — переправа через них опасна…

— Не пойдете ли вы со мной? — робко спросила девочка.

— Нет, дитя мое! Я не могу покинуть свою страну, — ответила Виллина. — Тебе придется итти одной. Дорога в Изумрудный город вымощена желтым кирпичом, и ты не заблудишься. Когда придешь к Гудвину — не бойся, проси у него помощи. Прощай, моя дорогая!

— Прощай, дорогая! — хором сказали Жевуны и разом надели шляпы.

«Дзинь-дзинь-дзинь» прозвенели колокольчики в последний раз.

Послы вернулись к толпе, ожидавшей их за деревьями.

Добрая северная волшебница повернулась три раза на левой пятке, крикнула непонятные слова и исчезла, к изумлению Элли. Жевуны разошлись

по домам, и Элли осталась одна.

Элли посмотрела кругом, всхлипнула раза два и принялась за дело. Она нашла в домике кусок хлеба и съела его на берегу ручья, запивая прозрачной ключевой водой. Потом девочка нарвала плодов и нашла, что вкуснее она ничего в жизни не едала. Затем Элли стала собираться в далекий путь, а Тотошка бегал среди деревьев и с лаем гонялся за птицами.

У Элли было одно единственное парадное платьице из бумазеи. Оно висело на гвоздике над ее кроватью. Когда-то на нем были голубые полоски, но они вылиняли от частых стирок и стали почти белыми. Элли надела платьице, ярко-розовый капор и сложила в корзинку все съестное, что нашла в шкафу. Посмотрев на свои ноги, Элли увидела, какие старые и рваные были на них башмаки.

— Они не выдержат долгого пути, Тотоша! — печально сказала девочка.

Песик обнюхал башмаки, старательно полизал их и замахал хвостиком, как бы соглашаясь с мнением хозяйки. Вдруг Элли вспомнила о серебряных башмачках.

— Было бы хорошо, если бы они оказались мне впору, — сказала Элли. — Они новенькие и при-

годились бы для дороги. И тут что-то говорили о их волшебной силе, хотя я, по правде, не знаю, какая сила может быть в башмаках. Попробуем надеть их, Тотошка!

Она обулась, и серебряные башмачки пришлись ей так, точно были на нее сшиты. Элли от радости хлопнула в ладоши и повернулась на каблуках.

— Идем, Тотошка! — крикнула она. — Мы найдем Гудвина, и он вернет нас в Канзас!

Элли заперла дверь, положила ключ в карман и смело отправилась в путь с веселым Тотошкой.

Неподалеку от домика расходилось несколько дорог, но Элли выбрала вымощенную желтым кирпичом, и ее новые серебряные башмачки застучали по твердому грунту дороги. Солнце сияло, птички пели, и маленькая девочка, заброшенная в удивительную чужую страну, чувствовала себя совсем неплохо.

Элли шла по дороге, огороженной с обеих сторон красивыми голубыми изгородями, за которыми начинались возделанные поля. Кое-где виднелись круглые домики. Крыши их были похожи на остроконечные шляпы Жевунов. На крышах были хрустальные шарики, сверкавшие на солнце. И домики и крыши были выкрашены

в голубой цвет.

На полях работали маленькие люди; они снимали шляпы и приветливо кланялись Элли. Ведь каждый Жевун знал, что девочка в серебряных башмачках освободила их страну от злой волшебницы, опустив свой домик — крак! крак! — прямо ей на голову.

Все Жевуны, встречавшиеся Элли на пути, с боязливым удивлением смотрели на Тотошку и, слыша его лай, затыкали уши. Когда же веселый песик подбегал к кому-нибудь из Жевунов, тот удирал от него во весь дух.

К вечеру, когда Элли проголодалась и подумывала, где провести ночь, она увидела у дороги большой дом. На лужайке перед домом плясали маленькие мужчины и женщины. Музыканты усердно играли на маленьких скрипках и флейтах. Тут же резвились дети, такие крошечные, что Элли глаза раскрыла от изумления: они походили на кукол. На террасе были расставлены длинные столы с вазами, полными фруктов, орехов, конфет, вкусных пирогов и больших тортов.

Завидев Элли, из толпы танцующих вышел красивый высокий старик (он был на целый палец выше Элли!) и с поклоном сказал:

— Я и мои друзья празднуем сегодня осво-

бождение нашей страны от злой волшебницы. Осмелюсь ли просить могущественную Фею Убивающего Домика принять участие в нашем пире?

— Почему вы думаете, что я фея? — спросила Элли.

— Вы раздавили злую волшебницу Гингему — крак! крак! — как пустую яичную скорлупку; вы носите ее волшебные башмаки; с вами удивительный зверь, какого мы никогда не видали; вы носите белое платье, а в нашей стране только феи да волшебницы одеваются в белое.

— Но ведь на нем есть голубые полоски, — сказала девочка.

— И это очень, очень любезно с вашей стороны, — подхватил Кокус (так звали старика). — Голубое — это цвет Жевунов. Мы знаем, вы — наша покровительница.

На это Элли не сумела ничего возразить и пошла за Кокусом. Ее встретили, как королеву, и колокольчики непрерывно звенели весь вечер, и были бесконечные танцы, и было съедено бесчисленное множество пирожных и выпито бесчисленное количество графинов прохладительного, и весь вечер прошел так весело и приятно, что Элли совсем забыла про дядю Джона

и тетку Анну и вспомнила о них только на одну минуточку, уже засыпая в постели.

Утром, после сытного завтрака, она спросила Кокуса:

— Далеко ли отсюда до Изумрудного города?

— Не знаю, — задумчиво ответил старик. — Я никогда не был там. Лучше держаться подальше от Великого Гудвина, особенно, если не имеешь к нему важного дела. Да и дорога до Изумрудного города длинная и трудная. Вам придется переходить через темные леса и переправляться через быстрые глубокие реки.

Элли немного огорчилась, но она думала, что только Великий Гудвин вернет ее в Канзас, и поэтому распрощалась с новыми друзьями и отправилась в путь.

Элли спасает Страшилу

Элли шла уже несколько часов и устала. Она села отдохнуть у голубой изгороди, за которой расстилалось поле спелой пшеницы. Невдалеке от изгороди стоял длинный шест, на нем торчало соломенное чучело — пугать птиц. Голова его была сделана из мешочка, набитого соломой, с нарисованными на нем глазами, носом и ртом, так что получалось смешное человеческое лицо. Чучело было одето в поношенный голубой кафтан; кое-где из прорех костюма торчала солома. На голове была старая, потертая шляпа, на ногах — старые голубые ботфорты, какие носили мужчины в этой стране.

Чучело имело забавный и вместе с тем добродушный вид.

Элли внимательно разглядывала смешное, разрисованное лицо чучела и удивилась, видя, что оно вдруг подмигнуло ей правым глазом. Она решила, что ей почудилось, — ведь чучела никогда не мигают в Канзасе. Но фигура закивала головой с самым дружеским видом.

Элли испугалась, а храбрый Тотошка с лаем

набросился на изгородь, за которой был шест с чучелом.

— Добрый день! — сказало чучело немного хриплым голосом.

— Ты умеешь говорить? — спросила Элли.

— Конечно! Как поживаешь?

— Спасибо, хорошо! — вежливо ответила девочка. — А ты как поживаешь?

— Неважно! — с печальной улыбкой сказало чучело. — Очень скучно торчать здесь и день и ночь и пугать противных ворон.

— Разве ты не можешь сойти?

— Нет, в меня сзади воткнули кол. Если бы ты вытащила его из меня, я был бы тебе очень благодарен.

Элли перелезла через изгородь, наклонила кол и, вцепившись обеими руками в чучело, стащила его.

— Чрезвычайно признателен! — пропыхтело чучело, очутившись на земле. — Я чувствую себя прямо новым человеком.

Потом чучело заботливо расправило кафтан, стряхнуло с себя соломинки и, шаркнув ножкой по земле, представилось девочке:

— Страшила!

— Что ты говоришь? — не поняла Элли.

— Я говорю: Страшила. Это меня так назвали: ведь я должен пугать ворон. А тебя как зовут?

— Элли.

— Хорошенькое имя! — сказал Страшила.

Элли смотрела на него с удивлением. Она не могла понять, как чучело, набитое соломой и с нарисованным лицом, ходит и говорит.

— Куда ты идешь? — спросил Страшила.

— В Изумрудный город — просить Великого Гудвина вернуть меня в Канзас.

— А где Изумрудный город и кто такой Гудвин?

— Разве ты не знаешь?

— Нет, — печально ответил Страшила. — Я ничего не знаю. Ты видишь, я набит соломой, и у меня совсем нет мозгов.

— Ох, как мне тебя жалко! — сказала девочка.

— Спасибо! А если я пойду с тобой в Изумрудный город, может Великий Гудвин дать мне мозги?

— Не знаю. Но, если хочешь, идем со мной. Если Гудвин и не даст тебе мозгов, хуже не будет, чем теперь.



Вцепившись обеими руками в чучело, Элли стащила его с шеста.

— Это верно, — сказал Страшила. — Видишь ли, — доверчиво продолжал он, — меня нельзя ранить, так как я набит соломой. Ты можешь насквозь проткнуть меня иглой, и мне не будет больно. Но я не хочу, чтобы люди называли меня глупцом, а разве без мозгов чему-нибудь научишься?

— Бедный! — сказала Элли. — Идем со мной, и я попрошу Гудвина помочь тебе.

— Спасибо! — ответил Страшила.

Девочка помогла Страшиле перелезть через изгородь. И они вместе пошли в Изумрудный город по дороге, вымощенной желтым кирпичом.

Сначала Тотошке совсем не понравился новый

спутник. Он бегал вокруг чучела и обнюхивал его, подозревая, что в соломе, которой оно набито, есть мышиное гнездо. Он недружелюбно лаял на Страшилу и делал вид, что хочет его укусить.

— Не бойся Тотошки, — сказала Элли: он не, кусается.

— Да я и не боюсь! Разве можно укусить солому? Дай, я понесу твою корзинку. Мне это не трудно я ведь не могу уставать. Скажу тебе по секрету, — прошептал он на ухо девочке своим хрипловатым голосом: — есть только одна вещь на свете, которой я боюсь.

— О! — воскликнула Элли. — Что же это такое? Мышь?

— Нет! Горящая спичка!

История Страшилы

Через несколько часов дорога стала неровной; Страшила часто спотыкался. Попадались ямы; Тотошка перепрыгивал их, а Элли обходила кругом. Но Страшила шел прямо, падал и растягивался во всю длину. Он не ушибался; Элли брала его за руку, поднимала, и Страшила шагал дальше, смеясь над своей неловкостью.

Домики попадались все реже, фруктовые деревья совсем исчезли. Страна становилась малонаселенной и угрюмой.

Путники уселись у ручейка. Элли достала хлеб и предложила кусочек Страшиле, но он вежливо отказался.

— Я никогда не хочу есть. И это очень удобно для меня.

Элли не настаивала и бросила кусок Тотошке; песик жадно проглотил его и стал на задние лапки, прося еще.

— Расскажи мне о себе, Элли, о своей стране, — попросил Страшила.

Элли долго рассказывала о Канзасе, как там все скучно, серо и пыльно и все совершенно не такое,

как в этой удивительной стране Гудвина.

Страшила слушал внимательно.

— Я не понимаю, почему ты хочешь вернуться в сухой и пыльный Канзас.

— Ты потому не понимаешь, что у тебя нет мозгов, — горячо ответила девочка. — Дома всегда лучше!

Страшила лукаво улыбнулся.

— Солома, которой я набит, выросла на поле, кафтан сделал портной, сапоги сшил сапожник. Где же мой дом? На поле, у портного или у сапожника?

Элли растерялась и не знала, что ответить.

Несколько минут сидели молча.

— Может быть, ты мне расскажешь что-нибудь? — спросила наконец девочка.

Страшила взглянул на нее с упреком.

— Моя жизнь так коротка, что я ничего не знаю. Ведь меня сделали только позавчера, и я понятия не имею, что было раньше на свете. К счастью, когда хозяин делал меня, он прежде всего нарисовал мне уши, и я смог слышать, что делается вокруг. У хозяина гостил другой Жевун, и первое, что я услышал, были его слова:

«А ведь уши-то велики!»

«Ничего! В самый раз!» ответил хозяин и нари-

совал мне правый глаз.

Я с любопытством начал разглядывать все, что делается вокруг, так как — ты понимаешь — ведь я в первый раз смотрел на мир.

«Хорошенький глазок! — сказал гость. — Не пожалел голубой краски!»

«Мне кажется, второй вышел немного больше», сказан хозяин, кончив мой второй глаз.

Потом он сделал мне нос и рот, но я не умел еще говорить, потому что не знал, зачем у меня рот. Хозяин надел на меня свой старый костюм и шляпу, с которой ребятишки срезали колокольчики. Я был страшно горд, и мне казалось, что я выгляжу, как настоящий человек.

«Этот парень будет чудесно пугать ворон», сказал фермер.

«Знаешь что? Назови его Страшилой!» посоветовал гость, и хозяин согласился.

Ребята весело закричали:

«Страшила! Страшила! Пугай ворон!»

Меня увезли на поле, проткнули шестом и оставили одного. Было скучно висеть, но слезть я не мог. Птицы сначала боялись меня, но скоро привыкли. Одна старая ворона даже села мне на плечо.

«Я удивляюсь, — хрипло прокаркала она мне в

ухо, — о чем думал фермер, когда хотел так глупо обмануть нас! Любая ворона сразу видит, что ты просто чучело, набитое соломой».

И она нахально клюнула меня в щеку. От злобы у меня неожиданно появился голос. Я так крикнул, что ворона слетела и с удивлением посмотрела на меня, скосив глаза.

«Ты, видно, чучело какого-то нового сорта! — сказала она. — А все-таки я тебя не боюсь. С шеста ты не слезешь».

И ворона принялась клевать колосья перед самым моим носом. Я опечалился. Очевидно, я был плохим чучелом, раз не мог напугать птиц. Но старая ворона утешила меня:

«Ты был бы лучше многих людей, если бы у тебя были мозги в голове. Мозги — это единственная стоящая вещь, у вороны или у человека — все равно».

Услышав эти слова, я решил обязательно добыть мозги. Я надеюсь, что Гудвин даст их мне…

— Я думаю, он тебе поможет, — подбодрила его Элли.

— Да, да! Неудобно чувствовать себя глупцом, когда даже вороны смеются над тобой.

— Идем! — сказала Элли и подала Страшиле корзинку.

К вечеру путники вошли в большой лес. Ветви деревьев спускались низко и загораживали дорогу, вымощенную желтым кирпичом. Путники шли через лес. Солнце зашло, и стало совсем темно.

— Если увидишь домик, где можно переночевать, скажи мне, — попросила Элли сонным голосом. — Очень неудобно и страшно итти в темноте.

Скоро Страшила остановился.

— Я вижу направо маленькую хижину. Пойдем туда?

— Да, да! — ответила Элли. — Я так устала!

Они пошли между деревьями, пока не дошли до хижины. Элли нашла в углу постель из сухих листьев и сейчас же уснула. А Страшила, который никогда не уставал и никогда не хотел спать, сидел на пороге, пялил глаза в темноту и терпеливо дожидался утра.

Спасение Железного Дровосека

Элли проснулась. Страшила сидел на пороге, а Тотошка гонял в лесу белок.

— Надо поискать воды, — сказала девочка.

— Зачем тебе вода?

— Умыться и попить. Сухой кусок не идет в горло.

— Фу, как неудобно быть сделанным из мяса! — задумчиво сказал Страшила. — Вы должны спать, и есть, и пить. Впрочем, у вас есть мозги, а за них можно терпеть всю эту кучу неудобств.

Они нашли ручеек, и Элли с Тотошкой позавтракали. В корзинке оставалось еще немного хлеба. Элли собралась итти к дороге, как вдруг услыхала в лесу стон.

— Что это? — спросила она со страхом.

— Понятия не имею, — отвечал Страшила. — Пойдем посмотрим.

Стон раздался снова. Они стали пробираться сквозь чащу. Скоро они увидели среди деревьев что-то блестящее. Элли подбежала и остановилась с криком изумления.

У надрубленного дерева с высоко поднятым то-

пором в руках стоял человек, целиком сделанный из железа. Голова его, руки и ноги были прикреплены к железному туловищу на шарнирах; на голове вместо шапки была железная воронка, и даже галстук на шее был железный. Человек стоял неподвижно, с широко раскрытыми глазами.

Тотошка с яростным лаем попытался укусить железную ногу незнакомца и отскочил с визгом: он чуть не сломал зубы.

— Это ты стонал? — спросила Элли.

— Да! — ответил железный человек. — Уже целый год никто не приходит мне помочь.

— А что нужно сделать? — спросила Элли, растроганная жалобным голосом незнакомца.

— Мои суставы заржавели, и я не могу двигаться. Но, если меня смазать, я буду как новенький. Ты найдешь маслёнку в хижине на полочке.

Элли сбегала в хижину и быстро вернулась с маслёнкой.

— Где смазывать?

— Сначала шею, — ответил Железный Дровосек.

И Элли смазала шею, но она так заржавела, что Страшиле долго пришлось поворачивать голову Дровосека направо и налево, пока шея не перестала скрипеть.

— Теперь, пожалуйста, руки!

И Элли стала смазывать суставы рук, а Страшила осторожно поднимал и опускал руки Дровосека, пока они не стали действительно как новенькие. Тогда Железный Дровосек глубоко вздохнул и бросил топор.

— Ух, как хорошо! — сказал он. — Я поднял вверх топор, прежде чем заржаветь, и очень рад, что могу от него избавиться. Ну, если вы смажете мне ноги, все будет в порядке.

Элли смазала ему ноги, так что он мог свободно двигать ими. Железный Дровосек много раз благодарил Элли, так как он был очень вежливым и признательным созданием.

— Я стоял бы здесь вечно. Вы спасли мне жизнь. Как вы сюда попали?

— Мы идем в Изумрудный город к Великому Волшебнику Гудвину и провели в твоей хижине ночь.

— Зачем вы идете к Гудвину?

— Я хочу, чтобы он вернул меня в Канзас. А Страшила хочет попросить у него немножко мозгов для своей соломенной головы.

Железный Дровосек глубоко задумался.

— Как вы полагаете, Гудвин может дать мне сердце?

— Думаю, что может, — отвечала Элли. — Ему это не труднее, чем дать Страшиле мозги.

— Так вот, если вы примете меня в компанию, я пойду с вами в Изумрудный город и попрошу Великого Гудвина дать мне сердце.

— Пойдем! — весело вскричал Страшила.

А Элли сказала, что она очень рада взять с собой Железного Дровосека.

Железный Дровосек поднял топор, и они пошли через лес — к дороге, вымощенной желтым кирпичом. Дровосек попросил Элли положить на дно корзинки маслёнку.



Элли смазала Железному Дровосеку шею.

— Я могу попасть под дождь и заржаветь, — сказал он, — и без маслёнки мне придется плохо.

Большим счастьем было для Элли найти такого товарища, как Железный Дровосек. Они скоро пришли к месту, где дорога заросла кустарником

и стала непроходимой.

Но Железный Дровосек заработал своим огромным топором и быстро расчистил путь.

Элли шла задумчиво и не заметила, как Страшила свалился в яму. Ему пришлось звать девочку на помощь.

— Почему ты не обошел кругом? — спросил Железный Дровосек.

— Не знаю! — чистосердечно ответил Страшила. — Понимаешь, у меня голова набита соломой, и я иду к Гудвину попросить немножко мозгов.

— Так! — сказал Дровосек. — Во всяком случае, мозги — не самое лучшее на свете.

— Вот еще! — удивился Страшила.

— Раньше у меня были мозги, — пояснил Железный Дровосек. — Но теперь, когда приходится выбирать между мозгами и сердцем, я предпочитаю сердце.

— А почему? — спросил Страшила.

— Послушайте мою историю, и тогда вы всё поймете.

И, пока они шли, Железный Дровосек рассказывал им свою историю:

— Я — дровосек. Став взрослым, я задумал жениться. Я полюбил от всего сердца одну хорошенькую девушку, а я тогда был еще из мяса и

костей, как и все люди. Но злая тетка, у которой жила девушка, не хотела расстаться с ней, потому что девушка работала на нее. Тетка пошла к волшебнице Гингеме и обещала ей корову и двух баранов, если та расстроит свадьбу…

— Злая Гингема убита! — перебил Страшила.

— Кем?

— Элли! Она прилетела на Убивающем Домике и — крак! крак! — села волшебнице на голову.

— Жаль, что этого не случилось раньше!.. — вздохнул Железный Дровосек и продолжал:

«Гингема заколдовала мой топор: он отскочил от дерева и отрубил мне левую ногу. Я очень опечалился: ведь без ноги я не мог быть дровосеком. Я пошел к кузнецу, и он сделал мне прекрасную железную ногу. Гингема снова заколдовала мой топор, и он отрубил мне правую ногу. Я опять пошел к кузнецу. Девушка любила меня по-прежнему и не отказывалась выйти за меня замуж. „Ты много сэкономишь на сапогах и брюках“, говорила она мне. Однако злая волшебница не успокоилась: я потерял руки, и кузнец сделал мне железные. Наконец, топор отрубил мне голову, и я подумал, что мне пришел конец. Но об этом узнал кузнец и сделал мне отличную железную голову. Я продолжал работать, и мы с девушкой

по-прежнему любили друг друга.

Тогда коварная Гингема, видя, что у нее ничего не выходит, — а она очень хотела получить корову и двух баранов, — решила отнять у меня сердце. Она еще раз заколдовала топор, и он разрубил мое туловище пополам. Но, к счастью, кузнец снова узнал об этом, сделал железное туловище и прикрепил к нему на шарнирах мою голову, руки и ноги. Но — увы! — у меня не было больше сердца: кузнец не сумел его вставить, и моя любовь к девушке исчезла…»

Железный Дровосек вздохнул, и слезы покатились из его глаз.

— Осторожней! — в испуге вскричал Страшила и вытер ему слезы голубым носовым платочком. — Ведь ты заржавеешь от слез.

— Благодарю, мой друг! — вежливо сказал Дровосек. — Я позабыл, что мне нельзя плакать. Вода вредна мне во всех видах…

«Я оставил родной дом и ушел в лес, — продолжал он. — Я гордился своим новым, железным телом и уже не боялся заколдованного топора. Мне была страшна только ржавчина, но я всегда носил с собой маслёнку. Только раз я позабыл ее, попал под ливень и так заржавел, что не мог сдвинуться с места, пока вы не спасли меня».

«Ах, это ужасно — стоять целый год в лесу и думать о том, что у тебя нет сердца!»...

— С этим может сравниться только торчанье на колу посреди пшеничного поля, — перебил Страшила. — Но, правда, мимо ходили люди, и можно было разговаривать с воронами.

— Когда я любил, я был счастливейшим человеком, — продолжал Железный Дровосек вздыхая. — Но как можно любить, раз у тебя нет сердца? Если Гудвин даст мне сердце, я вернусь в страну Жевунов и женюсь на девушке. Я уверен, что она ждет меня.

— А я, — упрямо сказал Страшила, — все-таки предпочитаю мозги: когда ты безмозглый дурак, тогда и сердце ни к чему.

— Ну, а мне нужно сердце! — возразил Железный Дровосек. — Мозги не делают человека счастливым, а счастье — лучшее, что есть на земле.

Элли молчала, так как не знала, кто из ее новых друзей прав.

Элли в плену у Людоеда

Лес становился глуше. Ветви деревьев, сплетаясь вверху, не пропускали солнечных лучей. На дороге, вымощенной желтым кирпичом, была полутьма. Шли до позднего вечера.

Элли страшно устала, и Железный Дровосек взял ее на руки. Страшила плелся сзади, сгибаясь под тяжестью топора.

Наконец остановились на ночлег. Железный Дровосек сделал для Элли уютный шалаш из сучьев. Он и Страшила просидели всю ночь у входа в шалаш, прислушиваясь к дыханию девочки и охраняя ее сон.

Утром снова двинулись в путь. Дорога стала веселее: деревья отступили в стороны, и солнышко ярко освещало желтые кирпичи.

За дорогой здесь, видимо, кто-то ухаживал: сучья и ветки, сбитые ветром, были собраны и аккуратно сложены по краям дороги.

Вдруг Элли заметила впереди столб и на нем доску с надписью:

ПУТНИК. ТОРОПИСЬ! ЗА ПОВОРОТОМ ДОРОГИ ИСПОЛНЯТСЯ ВСЕ ТВОИ ЖЕЛАНИЯ!!

— Сейчас я попаду к дяде Джону и тетке Анне! — вскричала Элли.

Она так обрадовалась, что даже забыла о спутниках и бросилась вперед. Тотошка прыгал около нее с веселым лаем.

Железный Дровосек и Страшила, увлеченные все тем же спором: что лучше — сердце или мозги, не заметили, что Элли убежала, и мирно шли по дороге. Внезапно они услышали отдаленный крик девочки и лай Тотошки. Друзья бросились вперед и успели заметить, как среди деревьев мелькнуло что-то лохматое и темное и скрылось в чаще леса. Тотошка, охрипший от лая, с жалобным визгом выскочил им навстречу.

— Что же делать? — горестно спросил Страшила. — Наверное, Элли унес хищный зверь.

Железный Дровосек в недоумении смотрел по сторонам.

— Квирр… квирр… — раздалось вдруг насмешливое чоканье Белки с верхушки высокого дерева. — Что случилось? Двое больших, сильных мужчин отпустили маленькую девочку, и ее унес Людоед!

— Людоед? — переспросил Железный Дровосек. — Я не слыхал, что в этом лесу живет Людоед.

— Квирр… квирр… Каждый муравей в лесу знает о нем. Эх, вы! Не могли присмотреть за маленькой девочкой! — и Белка осыпала друзей такими насмешками, что им стало стыдно.

— Надо спасать Элли! — вскричал Страшила.

— Да-да! — горячо подхватил Железный Дровосек. — Элли спасла нас, а мы должны отбить ее у Людоеда. Иначе я умру с горя… — и слезы покатились по щекам Железного Дровосека.

— Что ты делаешь! — в испуге закричал Страшила, вытирая ему слезы платочком. — Маслёнка у Элли!

— Если вы хотите выручить маленькую девочку, я доведу вас до замка Людоеда, хотя очень его боюсь! — сказала Белка.

— Показывай дорогу! — радостно закричали Железный Дровосек и Страшила.

Белка запрыгала по деревьям. Когда они зашли в глубь леса, Тотошка бросился вперед с радостным лаем: он почуял свою хозяйку.

— Тише! Тише! — заверещала Белка. — Уймите этого зверя, а то Людоед выскочит из замка и съест нас всех.

Страшила схватил Тотошку и заткнул ему рот своей мягкой соломенной рукой.

Замок Людоеда стоял на холме. Его окружала высокая стена, на которую не вскарабкалась бы и кошка. Перед стеной был ров, наполненный водой; утащив Элли, Людоед поднял перекидной мост и закрыл на два засова чугунные ворота.

Людоед жил один. Прежде у него были бараны, коровы и лошади, и он держал много слуг. В те времена мимо замка в Изумрудный город проходили путники; Людоед нападал на них и съедал. Потом Жевуны узнали о Людоеде, и движение по дороге прекратилось.

Людоед принялся опустошать замок: сначала съел баранов, коров и лошадей, потом добрался до слуг и съел всех, одного за другим. Последние годы Людоед прятался в лесу, ловил неосторожного кролика или зайца и съедал с кожей и костями.

Людоед страшно обрадовался, поймав Элли, и решил устроить себе настоящий пир. Он притащил девочку в замок, связал и положил на кухонный стол, а сам принялся точить большой нож.

«Клинк… клинк…» звенел нож.

А Людоед приговаривал:

— Эх-охо! Знатная попалась добыча! Полаком-

люсь вволю!

Людоед был так доволен, что даже разговаривал с Элли:

— Эх-охо! А ловко я придумал повесить надпись! Ты думаешь, я действительно исполню твои желания. Как бы не так! Это я нарочно сделал — заманивать таких простаков, как ты.

Элли плакала и просила у Людоеда пощады, но он не слушал и продолжал точить нож.

«Клинк… клинк… клинк…»

И вот Людоед занес над девочкой нож. Она в ужасе закрыла глаза. Однако Людоед опустил руку и зевнул.

Эх-охо! Устал я точить этот большой нож! Пойду-ка отдохну часок-другой. После сна и еда приятней!



Людоед принялся точить большой нож.

Людоед пошел в спальню, и скоро его храп раздался по всему замку и даже был слышен в лесу.

Железный Дровосек и Страшила стояли в недоумении перед рвом, наполненным водой.

— Я бы переплыл через воду, — сказал Страши-

ла, но пода смоет мои глаза, уши и рот, и я буду слепым, глухим и немым.

— Я, — молвил Железный Дровосек, — утону: ведь я очень тяжел. Если даже и вылезу из воды, сейчас же заржавею, а масленки нет.

Так они стояли, и вдруг услышали храп Людоеда.

— Надо спасать Элли, пока он спит! — сказал Железным Дровосек.

Он срубил высокое деревцо с развилкой на верхушке, перебросил его через ров, и оно прочно легло на стену.

— Полезай! — сказал он Страшиле. — Ты легче меня.

Страшила привязал Тотошку к пеньку и подошел к мосту, но испугался и попятился. Белка не вытерпела и одним махом взбежала по деревцу на стену.

— Квирр... квирр... Эх ты, трус! — крикнула она Страшиле. — Смотри, как это просто делается! — Но, взглянув во двор, она даже охнула от волнения. — Девочка лежит связанная на столе... Около нее большой нож... Девочка плачет... Я вижу, как из ее глаз катятся слезы...

Услышав такие вести, Страшила забыл опасность и чуть не быстрее Белки взлетел на стену.

— Ох! — только и сказал он, увидев через окно кухни бледное лицо Элли, и мешком свалился вниз.

Прежде чем он встал, Белка спрыгнула ему на спину, перебежала двор, шмыгнула через решетку окна и принялась грызть веревки, которыми была связана Элли.

Страшила открыл тяжелые засовы ворот, опустил подъемный мост, и Железный Дровосек вошел во двор, свирепо вращая глазами и воинственно размахивая огромным топором.

Все это он делал, чтобы устрашить Людоеда, если тот выйдет во двор.

— Сюда! Сюда! — пропищала Белка из кухни, и друзья бросились на ее зов.

Железный Дровосек вложил острие топора в щель между дверью и косяком, нажал, и — трах! — дверь слетела с петель. Элли прыгнула со стола, и все четверо — Железный Дровосек, Страшила, Элли и Белка — побежали из замка в лес. Тотошка поднял от радости такой лай, что разбудил Людоеда. Людоед выскочил из спальни, увидел, что девочки нет, и пустился в погоню.

Людоед был невысок, но очень толст. Голова его походила на котел, а туловище — на бочку. У него были длинные руки, как у гориллы, а ноги

обуты в высокие сапоги с толстыми подошвами. На нем был косматый плащ из звериных шкур. На голову вместо шлема Людоед надел большую медную кастрюлю, ручкой назад, и вооружился огромной дубиной с шишкой на конце, утыканной острыми гвоздями.

Он рычал от злости, и его сапожищи грохотали:

«Тот-топ-топ…»

А острые зубы стучали:

«Клац-клац-клац…»

Людоед быстро догонял беглецов. Видя, что от погони не уйти, Железный Дровосек прислонил испуганную Элли к дереву и приготовился к бою. Страшила отстал: ноги его цеплялись за корни, а грудью он задевал за ветки деревьев. Людоед догнал Страшилу, и тот вдруг бросился ему под ноги. Не ожидавший этого Людоед кувырком перелетел через Страшилу. Рассвирепев, он вскочил и раз за разом стал наносить Страшиле ужасные удары тяжелой дубиной. Но сзади к Людоеду подкрался Железный Дровосек, поднял огромный топор и разрубил Людоеда пополам вместе с кастрюлей.

— Квирр… квирр… Славно сделано! — восхитилась Белка и поскакала по деревьям, рассказывая

всему лесу о гибели свирепого Людоеда.

— Очень остроумно! — похвалил Железный Дровосек Страшилу. — Ты не смог бы сделать лучше, если бы у тебя были мозги.

— Ты жестоко изранен! — сказала Элли.

— Пустяки! — добродушно ответил Страшила. — Надо зашить дырки. Он порвал мой костюм, и я боюсь, что из меня вылезет солома.

Элли зашила дырки и горячо благодарила своих друзей за их самоотверженность и храбрость. Они пошли через лес, пока не добрались до дороги, вымощенной желтым кирпичом, и бодро двинулись к Изумрудному городу.

Встреча с Трусливым Львом

В эту ночь Элли спала в дупле, на мягкой постельке из листьев. Сон ее был тревожен: ей чудилось, что она лежит связанная и Людоед заносит над ней руку с огромным ножом. Девочка вскрикивала и просыпалась.

Утром двинулись в путь. Лес был мрачен. Из-за деревьев доносился рев зверей. Девочка дрожала от страха, а Тотошка, поджав хвостик, прижимался к ногам Железного Дровосека: он стал очень уважать его после победы над Людоедом.

Путники шли, тихо разговаривая о вчерашних событиях, и радовались спасению Элли. Вдруг в лесу раздалось громовое рычанье, и на дорогу выскочил Лев. Одним ударом он подбросил Страшилу в воздух; тот полетел кувырком и упал на краю дороги, распластавшись, как тряпка. Лев ударил Железного Дровосека лапой, но когти заскрипели по железу, а Дровосек от толчка сел, и воронка слетела у него с головы.

Маленький Тотошка с лаем бросился на врага. Огромный зверь разинул пасть, чтобы проглотить собачку, но Элли смело выбежала вперед

и хлопнула Льва рукой по морде смей трогать Тотошку! — гневно закричала она.



Людоед стал наносить Страшиле ужасные удары тяжелой дубиной.

— Я ведь не съел его! — оправдывался Лев, потирая лапой нос.

— Но ты пытался. Как тебе не стыдно набра-

сываться на беззащитных! Ты просто большой трус.

— Я знаю это, — ответил Лев, со стыдом вешая голову. — Я всегда знал это. Но что ж я могу поделать?

— Подумать только: ты ударил Страшилу, бедного, набитого соломой Страшилу!

— Он набит соломой? — спросил Лев, удивленно глядя на Страшилу, которого Элли ставила на ноги.

— Конечно, набит! — ответила Элли, еще рассерженная на Льва.

— Понимаю теперь, почему он такой легонький и такой мягкий, — сказал Лев. — А второй — тоже набитый?

— Нет, он из железа.

— Ага! Я чуть не поломал об него когти. А что это за маленький зверек, которого ты так любишь?

— Это моя собачка, Тотошка.

— Он из железа или набит соломой?

— Ни то, ни другое. Это — настоящая собачка, из мяса и костей.

— Смешное животное! Какое маленькое, когда присмотришься. Только трус и мог напасть на такую крошку, — печально сказал Лев.

— Почему же ты трус? — спросила Элли, с удив-

лением глядя на громадного Льва.

— Таким родился! Конечно, все считают меня храбрым: ведь Лев — царь зверей! Когда я реву, — а я реву очень громко, вы слышали, — звери и люди убегают с моей дороги. Но, если бы слон или тигр напали на меня, я бы испугался, честное слово! Хорошо, что никто не знает, какой я трус, — сказал Лев, утирая слезы пушистым кончиком хвоста. — Мне очень стыдно, но я не могу переделать себя.

— Может быть, у тебя сердечная болезнь? — спросил Дровосек.



Я ведь не съел его! — оправдывался Лев.

— Возможно, — согласился Трусливый Лев.

— Счастливый! А у меня так и сердечной болез-

ни не может быть: у меня совсем нет сердца.

— Если бы у меня не было сердца, — задумчиво сказал Лев, — может быть, я и не был бы трусом.

— А у тебя есть мозги? — спросил Льва Страшила.

— Есть, вероятно. Я их никогда не видел.

— Моя голова набита соломой, и я иду к Великому Гудвину просить немножко мозгов, — сказал Страшила.

— А я иду к нему за сердцем, — сказал Железный Дровосек.

— А я иду к нему просить, чтобы он вернул нас с Тотошкой в Канзас.

— И он может все это сделать? — удивился Лев.

— Ему это ничего не стоит, — ответила Элли.

— В таком случае, не даст ли он мне смелости?

— Ему это так же легко, как дать мне мозги, — ответил Страшила.

— И мне сердце, — прибавил Железный Дровосек.

— И вернуть меня в Канзас, — закончила Элли.

— Если вы примете меня в компанию, я пойду с вами, — сказал Трусливый Лев. — Мне бы хоть немножко смелости, а без нее жизнь не в жизнь.

— Очень рада! — ответила Элли. — Ты будешь отгонять от нас других зверем. Мне кажется, они

еще трусливее тебя, раз бегут от одного твоего рева.

— Они трусы, — сказал Лев, — да я-то от этого не становлюсь храбрее.

Путешественники двинулись дальше по дороге, вымощенной желтым кирпичом, и Лев пошел величавым шагом рядом с Элли. Тотошке и этот спутник сначала не понравился. Он помнил, как Лев хотел проглотить его. Но скоро он привык ко Льву, и они сделались большими друзьями.

Вечером того же дня Железный Дровосек нечаянно раздавил лягушку на краю дороги. Ему стало жаль, бедную лягушку, и из глаз его покатились слезы. Слезы попали на шарниры нижней челюсти, и шарниры заржавели. Он не мог сказать ни слова и только размахивал руками, прося о помощи. Девочка сильно перепугалась. Лев решил, что Железный Человек болен. Но Страшила догадался, в чем дело, смазал приятелю челюсти, и тот заговорил:

— Это мне урок. Я должен смотреть себе под ноги Вам, у которых есть сердца, вам хорошо! Вы сумеете оправдаться в своих собственных глазах, если кого-нибудь обидите. Но я — человек без сердца — должен быть очень осторожен. Вот если я получу от Гудвина сердце, тогда и я не буду

беспокоиться о разных козявках.

Тигромедведи

В этот вечер шли долго и остановились ночевать под развесистым деревом. Железный Дровосек нарубил дров и развел большой костер, около которого Элли чувствовала себя очень уютно Она съела последний кусок хлеба, по-братски разделив его с Тотошкой.

— Что я теперь буду есть? — спросила она, бережно собирая крошки.

Хочешь, я поймаю в лесу лань? — сказал Лев. — Правда, у вас, людей, плохой вкус, и вы предпочитаете жареное мясо сырому, но ты можешь поджарить его на углях.

— О, только никого не убивать! — взмолился Железный Дровосек. — Я буду так плакать о бедной лани, что никакого масла не хватит смазывать мои челюсти.

— Как угодно! — пробурчал Лев и отправился в лес.

Он вернулся оттуда не скоро, улегся поодаль от костра с сытым мурлыканьем и уставил на огонь желтые глаза с узкими щелками зрачков. Что он делал в лесу, было неизвестно. Лев молчал, а

остальные не спрашивали.

Страшиле посчастливилось найти дерево, на котором росли орехи. Страшила рвал их своими мягкими, непослушными пальцами. Орехи выскальзывали из рук, и ему приходилось собирать их в траве. В лесу было темно, как в погребе, и только Страшила, видевший ночью, как днем, мог с этим справиться. Но, когда он набирал полную горсть орехов, они вдруг вываливались у него, и все приходилось начинать снова. Все же Страшила с удовольствием собирал орехи, очень боясь подходить к костру. Только увидев, что костер начинает угасать, он приблизился к Элли с корзиной орехов, и девочка поблагодарила его за труды.

Утром Элли позавтракала орехами. Она и Тотошке предложила орехов, но песик с презрением отвернул от них нос и поймал в лесу жирную мышь (к счастью, Дровосек этого не видел).

Путники снова двинулись к Изумрудному городу. Этот день принес им много приключений.

Пройдя около часа, компания остановилась перед громадным оврагом, который тянулся по лесу вправо и влево, насколько хватал глаз. Овраг был широк и глубок: когда Элли подползла к его краю и заглянула вниз, v неё закружилась

голова. На дне пропасти были разбросаны острые осколки скал, и между ними журчал невидимый ручей. Стены оврага были отвесны. Путники стояли печальные: им казалось, что путешествие к Гудвину окончилось.

— Что же делать? — спросила Элли в отчаянии.

— Не имею понятия, — огорченно ответил Железный Дровосек, а Лев в недоумении почесал лапой нос.

— Ух, какая большая яма! Через нее мы не перепрыгнем. Нам тут и сидеть.

— Я бы пожалуй, перепрыгнул, — задумчиво сказал Лев, измерив взглядом расстояние.

— Значит перенесешь нас догадался Страшила.

— Попробую! — сказал Лев. — Кто первый?

— Придется мне! — сказал Страшила. — Если ты упадешь, Элли разобьется досмерти, да и Железному Дровосеку плохо придется. А я уж не расшибусь, будьте спокойны!.

— Да я-то сам боюсь свалиться или нет? — спросил Лев сердито. — Ну, раз больше ничего не остается, прыгаю. Садись!

Страшила сел, и Лев съежился на краю расселины, готовясь к прыжку.

— Почему ты не разбегаешься? — спросила

Элли.

— Это не в наших львиных привычках. Мы прыгаем с места.

Он сделал огромный прыжок и благополучно перескочил на другую сторону. Все обрадовались, и Лев, ссадив Страшилу, тотчас прыгнул обратно. Следующей села Элли. Держа Тотошку в одной руке, другой она вцепилась в жесткую гриву Льва. Элли взлетела на воздух, и ей показалось, что она снова поднимается в Убивающем Домике, но не успела испугаться, как была уже на твердой земле.

Последним переправился Железный Дровосек, чуть не потеряв по время прыжка свою шапку-воронку. Лев отдохнул, и компания двинулась дальше по дороге, вымощенной желтым кирпичом. Элли догадалась, что овраг появился, вероятно, от землетрясения, уже после того, как провели дорогу к Изумрудному городу.

За оврагом потянулся еще более угрюмый, дремучий лес, и было темно. Из зарослей слышалось глухое сопенье и протяжный вой; путникам стало жутко, а Тотошка совсем запутался в ногах у Льва, считая теперь, что Лев сильнее Железного Дровосека. Трусливый Лев сообщил спутникам, что в этом лесу живут тигромедведи.

— Что это за звери? — осведомился Железный Дровосек.

— Это страшные звери, — боязливо прошептал Лев. — У них туловище медведя и тигровая голова, а какие клыки! Они могут перекусить меня так же легко, как я Тотошку. Я ужасно боюсь тигромедведей!

— Это неудивительно, — заметила Элли.

Перед путниками неожиданно открылся новый овраг, шире и глубже прежнего. При первом же взгляде на него Лев отказался прыгать. Они стояли в молчании. Вдруг Страшила сказал:

— Вон на краю большое дерево. Надо срубить его, чтобы оно упало через пропасть, и у нас будет мост.

— Вот это ловко! — восхитился Лев. — Можно подумать, что все-таки у тебя в голове есть мозги!



Лев сделал огромный прыжок и благополучно перескочил на другую сторону.

Несколькими взмахами топора Железный Дровосек подрубил дерево, потом все путешественники, не исключая Тотошки, уперлись в него, кто руками, а кто лапами или лбом. Дерево загремело и упало вершиной на ту сторону оврага.

— Ура! — разом крикнули все.

Но только что путники пошли по стволу, придерживаясь за ветки, как в лесу послышался продолжительный вой, и к оврагу подбежали два огромных зверя с туловищем медведя и тигровой головой.

— Тигромедведи! — прошептал Лев, дрожа, как лист.

— Спокойствие! — закричал Страшила. — Переходите!

Лев, замыкавший шествие, обернулся к тигромедведям и испустил такое великолепное рычанье, что Элли с перепугу чуть не полетела в пропасть. Даже чудовища остановились и глядели на Льва, не понимая, как маленький зверь может так громко реветь.

Эта задержка дала путникам возможность перейти расселину, и Лев в три прыжка нагнал их. Тигромедведи, видя, что добыча ускользает, вступили на мост. Они шли по дереву, то и дело останавливаясь и сверкая белыми клыками. Вид их был так страшен, что Лев сказал Элли:

— Мы погибли! Бегите, а я постараюсь задержать этих бестий. Жаль, что я не успел получить от Гудвина хоть немного смелости, однако буду драться, пока не умру.

Но в соломенную голову Страшилы в этот день приходили блестящие мысли. Толкнув Дровосека, он закричал:

— Руби дерево!

Железный Дровосек не заставил себя просить. Он наносил своим огромным топором такие отчаянные удары, что в два-три взмаха перерубил верхушку дерева, и ствол, лишенный опоры, с грохотом повалился в пропасть. Огромные звери полетели вместе с ним и разбились об острые скалы на дне оврага.

— Ффу! — сказал Лев с глубоким вздохом облегчения и торжественно подал Страшиле лапу. — Спасибо! Поживем еще, а то я совсем было простился с жизнью. Не очень-то приятная штука попасть на зубы к таким чудовищам! Слышите, как у меня бьется сердце?

— Ах! — печально вздохнул Железный Дровосек. — Хотел бы я, чтобы у меня так билось сердце!

Друзья торопились покинуть мрачный лес, из которого могли выскочить другие тигромедведи. Но Элли так устала и напугалась, что не могла итти. Лев посадил ее к себе на спину, и путники быстро пошли вперед. Как они обрадовались, увидев вскоре, что деревья становятся реже и

тоньше! Солнышко веселыми лучами освещало дорогу, и скоро путники вышли на берег быстрой и широкой реки.

— Как же переправиться? — сказали Элли, Железный Дровосек и Трусливый Лев, и все разом посмотрели на Страшилу.

Польщенный общим вниманием, Страшила принял важный вид и приложил палец ко лбу. Думал он не очень долго.

— Пусть Железный Дровосек сделает плот, и мы переплывем реку.

Дровосек принялся рубить деревья и стаскивать их к реке. Элли прилегла отдохнуть на траве. Страшила, по обыкновению, не сидел на месте. Он пошел по берегу реки и нашел фруктовые деревья. Путники решили устроить здесь ночлег. Элли, поужинав прекрасными плодами, заснула и во сне видела удивительный Изумрудный город и Великого Волшебника Гудвина.

Переправа через реку

Ночь прошла спокойно. Утром Железный Дровосек докончил плот, срубил шесты для себя и Страшилы и предложил путникам садиться. Элли устроилась с Тотошкой на руках посредине плота. Трусливый Лев ступил на край, накренил плот, и Элли завизжала от страха. Но Железный Дровосек и Страшила поспешили вскочить на другой край, и равновесие восстановилось. Страшила и Железный Дровосек погнали плот через реку, за которой начиналась чудесная солнечная равнина, кое-где покрытая веселыми рощами.

Все шло прекрасно, пока плот не приблизился к середине реки. Здесь быстрое течение подхватило его и понесло по реке, а шесты не доставали до дна. Путешественники растерянно смотрели друг на друга.

— Очень скверно! — сказал Железный Дровосек. — Река унесет нас в страну Запада, и мы попадем в рабство к злой волшебнице.

— И тогда я не получу мозгов! — сказал Страшила.

— А я смелости! — сказал Лев.

— А я сердца! — добавил Железный Дровосек.

— А я никогда не вернусь в Канзас! — закончила Элли.

— Нет, мы должны добраться до Изумрудного города! — вскричал Страшила и яростно налег на шест.

К несчастью, в этом месте оказалась илистая отмель, и шест глубоко воткнулся в нее. Страшила не успел выпустить шеста из рук, а плот несся по течению, и через мгновение Страшила уже висел на шесте посреди реки, без опоры под ногами.

— До свиданья! — растерявшись, крикнул он своим друзьям, но плот был далеко.

Положение Страшилы было отчаянное. «Здесь мне хуже, чем до встречи с Элли, — думал он. — Там я хоть ворон пугал — все-таки было занятие. А кто же ставит пугала посреди реки? Ох, я, кажется, никогда не получу мозгов».

Плот мчался вниз. Бедный Страшила остался далеко позади и скрылся за поворотом реки.

Трусливый Лев сказал:

— Нам надо достигнуть берега. Я поплыву, а вы держитесь за мой хвост.

Лев плыл, пыхтя от напряжения, а Железный Дровосек крепко держался за кончик хвоста. Трудная была работа тащить плот, но все же

Лев медленно подвигался к другому берегу реки. Скоро Элли убедилась, что шест достает дно, и начала помогать Льву. После больших усилий совершенно измученные путники наконец достигли берега — далеко-далеко от того места, где начали переправу.

Лев растянулся на траве лапами кверху и сушил намокшее брюхо.

— Куда теперь пойдем? — спросил он, щурясь на солнышке.

— К дороге, вымощенной желтым кирпичом, — ответила Элли.

Чтобы не сбиться с пути, решили итти берегом против течения реки.

Они брели долго, повесив головы и путаясь ногами в роскошной, густой траве, и с грустью думали об оставленном среди реки товарище. Вдруг Железный Дровосек закричал изо всех сил:

— Смотрите!

И они увидели Страшилу, мужественно висевшего на шесте посреди широкой и быстрой реки. Страшила издали выглядел таким маленьким, одиноким и печальным, что у путников на глаза навернулись слезы. Железный Дровосек разволновался больше всех. Он бесцельно бегал по берегу, рискнул было зачем-то сунуться в воду,

но сейчас же отбежал назад, испуганно отрясая ноги. Потом сдернул воронку, приложил ко рту, как рупор, и оглушительно заорал:

— Страшила! Милый друг! Держись! Сделай одолжение, не падай в воду!

Железный Дровосек умел очень вежливо просить.

До путников слабо долетел ответ:

— …жусь!..огда…е…стаю…

Это означало: «Держусь! Никогда не устаю…»

Вспомнив, что Страшила и в самом деле никогда не уставал, друзья очень ободрились, и Железный Дровосек снова заорал в свою воронку-рупор:

— Не падай духом! Не уйдем отсюда, пока не выручим тебя!

И ветер донес ответ:

— …ду!..е…нуйтесь…а…ня…

И это означало: «Жду! Не волнуйтесь за меня…»

Железный Дровосек предложил сплести длинную веревку из древесной коры. Потом он, Дровосек, полезет в воду и снимет Страшилу, а Лев вытащит их за веревку. Но Лев насмешливо покачал головой:

— Ты ведь плаваешь не лучше топора!

Железный Дровосек сконфуженно замолчал.

Пока путники судили да рядили, на них издали с любопытством поглядывал огромный важный Аист. Потом он потихоньку подошел и стал на безопасном расстоянии, поджав правую ногу и прищурив левый глаз.

— Что вы за публика? — спросил он.

— Я — Элли, а это мои друзья — Железный Дровосек и Трусливый Лев. Мы идем в Изумрудный город.

— Дорога в Изумрудный город не здесь! — заметил Аист.

— Мы знаем ее; нас унесла река, и мы потеряли товарища.

— А где он?

— Во-он, видишь, — Элли показала пальчиком, — висит на шесте!

— Зачем он туда забрался?

Аист был обстоятельной птицей и хотел знать все до мельчайших подробностей. Элли рассказала, как Страшила оказался посреди реки.

— Ах, если б ты его спас! — вскричала Элли, закончив рассказ, и умоляюще сложила руки. — Как бы мы были тебе благодарны!

— Я подумаю! — важно сказал Аист и закрыл правый глаз, потому что аисты, когда думают,

обязательно закрывают правый глаз.

Но левый глаз он закрыл еще раньше, и вот он стоял с закрытыми глазами на левой ноге и тихонько покачивался, а Страшила висел на шесте среди реки и тоже покачивался от ветра. Путникам надоело ждать, и Железный Дровосек сказал:

— Послушаю я, о чем он думает! — и потихоньку подошел к Аисту.

Но до него донеслось ровное, с присвистом, дыхание Аиста, и Дровосек удивленно крикнул:

— Да он спит!

Лев ужасно разгневался и рявкнул:

— Я его съем!

Аист вмиг открыл глаза.

— Вам кажется, что я сплю? Нет, я просто задумался. Такая трудная задача... Но, пожалуй, я перенес бы вашего товарища на берег, не будь он такой большой и тяжелый.

— Это он-то тяжелый? — вскричала Элли. — Да ведь Страшила набит соломой и легкий, как перышко! Даже я его поднимаю!

— В таком случае, я попытаюсь! — сказал Аист. — Но, смотрите, если он слишком тяжел, я брошу его в воду. Хорошо бы сначала свешать вашего друга на весах, но, раз это невозможно,

я лечу!

Как видите, Аист был очень осторожной и обстоятельной птицей.

Аист взмахнул широкими крыльями и полетел к Страшиле. Он вцепился ему в плечи крепкими когтями, легко поднял и перенес на берег, где сидела Элли с друзьями.

Когда Страшила вновь очутился на берегу, он горячо обнял друзей и потом обратился к Аисту:

— Я думал, мне вечно придется торчать на шесте посреди реки и пугать рыб! Сейчас я не могу поблагодарить как следует, потому что у меня в голове солома. Но, побывав у Гудвина, я разыщу тебя, и ты узнаешь, какова благодарность человека с мозгами.

— Очень рад, — солидно отвечал Аист. — Я люблю помогать другим в несчастье, особенно, когда это не стоит мне большого труда… Однако заболтался я с вами. Меня ждут дети. Желаю вам дойти до Изумрудного города и получить то, за чем вы направляетесь!

И он вежливо подал каждому путнику свою красную морщинистую лапу, и каждый путник дружески пожал ее, а Страшила так тряс, что чуть не оторвал ее.

Аист улетел, а путешественники пошли по

берегу. Счастливый Страшила шел приплясывая и пел:

— Эи, гей-гей-го! Я снова с Элли!

Потом, через три шага:

— Эй, гей-гей-го! Я снова с Железным Дровосеком!

И так он перебирал всех, не исключая и Тотошки, а потом начинал сначала свою нескладную, но добродушную песню.

Маковое поле

Путники весело шли по лугу, усеянному великолепными белыми и голубыми цветами. Часто попадались красные маки невиданной величины, с очень сильным ароматом. Всем было весело. Страшила был спасен. Ни Людоед, ни овраги, ни тигромедведи, ни быстрая река не остановили их на пути к Изумрудному городу, и они предполагали, что все опасности остались позади.

— Какие чудные цветы! — восклицала Элли.

— Они хороши! — отвечал Страшила. — Конечно, будь у меня мозги, я восхищался бы ими больше, чем теперь.

— А я бы полюбил их, если бы у меня было сердце! — вздохнул Железный Дровосек.

— Я всегда любил цветы, — сказал Лев. — Они милые и безобидные создания и никогда не выскакивают на тебя из-за угла, как эти страшные тигромедведи. Но в моем лесу не было таких больших и ярких цветов.

Чем дальше шли путники, тем больше становилось в поле маков. Все другие цветы исчезали, заглушенные зарослями мака. И скоро путе-

шественники оказались среди необозримого макового поля. Запах мака усыпляет, но Элли этого не знала и продолжала итти, беспечно вдыхая сладковатый усыпительный аромат и любуясь огромными красными цветами. Веки ее отяжелели, и ей ужасно захотелось спать. Однако Железный Дровосек не позволил ей прилечь.

— Надо спешить, чтобы к ночи добраться до дороги, вымощенной желтым кирпичом, — сказал он, и Страшила поддержал его.

Они прошли еще несколько сот шагов, но Элли не могла бороться со сном: шатаясь, она опустилась среди маков, со вздохом закрыла глаза и крепко заснула.

— Что же с ней делать? — спросил в недоумении Дровосек.

— Если Элли останется здесь, она будет спать, пока не умрет, — сказал Лев, широко зевая. — Аромат этих цветов смертелен. У меня слипаются глаза, а собачка уже спит.

Тотошка действительно лежал на ковре из маков, возле своей маленькой хозяйки. Только на Страшилу и Железного Дровосека не действовал губительный запах цветов, они были бодры, как всегда.



Аист вцепился ему и плечи крепкими когтями.

— Беги! — сказал Страшила Трусливому Льву. — Спасайся из этого опасного места. Мы донесем девочку, а если ты заснешь, нам с тобой не справиться. Ведь ты слишком тяжел!

Лев прыгнул вперед и мигом скрылся из глаз. Железный Дровосек и Страшила скрестили руки

и посадили на них Элли. Они сунули Тотошку сонной девочке, и та бессознательно вцепилась в мягкую шерсть. Страшила и Железный Дровосек шли среди макового поля по широкому следу примятых цветов, оставленному Львом, и им казалось, что полю не будет конца.

Но вот вдали показались деревья и зеленая трава. Друзья облегченно вздохнули: они боялись, что долгое пребывание в отравленном воздухе убьет Элли. На краю макового поля они увидели Льва. Аромат цветов победил мощного зверя, и он спал, широко раскинув лапы в последнем усилии достигнуть спасительного луга.

— Мы не сможем ему помочь! — печально сказал Железный Дровосек. — Он слишком велик для нас. Теперь он заснул навсегда, и, может быть, ему снится, что он наконец получил смелость.

— Очень, очень жаль! — сказал Страшила. — Несмотря на свою трусость, Лев был добрым товарищем, и мне горько покинуть его здесь, среди проклятых маков. Но идем, надо спасать Элли.

Они вынесли спящую девочку на зеленую лужайку у реки, далеко от смертоносного макового поля, положили на траву и сели рядом ожидать, когда свежий воздух разбудит ее.

Королева полевых мышей

Пока друзья сидели и смотрели по сторонам, невдалеке заколыхалась трава, и на лужайку выскочил желтый дикий кот. Оскалив острые зубы и прижав уши к голове, он гнался за добычей. Железный Дровосек вскочил и увидел бегущую серую полевую мышь. Кот занес над ней когтистую лапу, и мышка, жалобно пискнув, закрыла глаза; но Железный Дровосек сжалился над беззащитным созданием и отрубил голову дикому коту. Мышка открыла глаза и увидела, что враг мертв. Она сказала Железному Дровосеку писклявым голосом:

— Благодарю вас! Вы спасли мне жизнь.

— Не стоит говорить об этом, — возразил Дровосек, которому, по правде, неприятно было, что он убил кота. — Вы знаете, у меня нет сердца, но я всегда помогаю в беде слабому, будь это лаже простая мышь!

— Простая мышь! — в негодовании пискнула мышка. — Что вы хотите сказать этим, сударь? Да знаете ли вы, что я — королева полевых мышей!

— О, в самом деле?! — покричал пораженный

Дровосек. — Тысяча извинений, Ваше величество!



— Благодарю вас! Вы спасли мне жизнь.

— Во всяком случае, спасая мне жизнь, вы исполнили свой долг, — сказала королева смягчаясь.

В этот момент несколько мышей, запыхавшись, выскочили на полянку и со всех ног подбежали к королеве.

— О ваше величество! — наперебой запищали они. — Мы думали, что вы погибли, и страшно горевали. Но кто убил злодея-кота? — И они так низко поклонились маленькой королеве, что

стали на головы, а задние лапки их заболтались в воздухе.

— Его зарубил вот этот странный железный человек. Вы должны служить ему и исполнять его желания, — важно сказала королева.

— Пусть он приказывает! — хором закричали мыши.

Но в тот же миг они пустились врассыпную во главе с самой королевой. Дело в том, что Тотошка открыл глаза и, видя себя окруженным мышами, испустил восхищенный лай и бросился в середину стаи. Он еще в Канзасе прославился как великий охотник на мышей, и ни один кот не мог сравниться с ним в ловкости. Но Железный Дровосек схватил песика и закричал:

— Сюда! Сюда! Обратно! Я держу его!

Королева мышей высунула голову из густой травы и боязливо спросила:

— Вы уверены, что он не съест меня и моих придворных?

— Успокойтесь, ваше величество! Я его не выпущу!

Мыши собрались снова, и Тотошка, после бесполезных попыток укусить железные руки Дровосека, успокоился.

Большая фрейлина-мышь заговорила:

— Великодушный незнакомец! Чем прикажете отблагодарить вас за спасение королевы?

— Я положительно теряюсь… — начал Железный Дровосек, но находчивый Страшила быстро перебил его:

— Спасите нашего друга Льва! Он в маковом поле.

— Лев! — вскричала королева. — Он съест всех нас!

— О нет! — ответил Страшила. — Это Трусливый Лев, он очень смирен, да, кроме того, он ведь спит.

— Ну что ж, попробуем. Как это сделать?

— Много ли мышей в вашем королевстве?

— О, целые тысячи!

— Пошлите собрать их всех, и пусть каждая принесет с собой длинную нитку.

Королева отдала приказ придворным, и они с таким усердием ринулись по всем направлениям, что только лапки замелькали.

— А ты, друг, — обратился Страшила к Железному Дровосеку, — сделай телегу — вывезти Льва из маков.

Железный Дровосек принялся за дело и работал с таким рвением, что когда появились первые мыши с длинными нитками в зубах, прочная

телега с колесами из цельных деревянных обрубков была готова.

Мыши сбегались отовсюду: их были целые тысячи, всех величин и возрастов: тут собрались и маленькие мыши, и средние мыши, и большие, старые мыши. Одна дряхлая старушка-мышь приплелась на полянку с большим трудом и, поклонившись королеве, тотчас же свалилась кверху лапками. Две внучки уложили бабушку на лист лопуха и усердно приводили ее в чувство.

Трудно было запрячь в телегу такое множество мышей: пришлось привязать к передней оси целые тысячи ниток. Притом Дровосек и Страшила торопились, боясь, что Лев умрет в маковом поле, и нитки путались у них в руках. Некоторые непоседливые мыши перебегали с места на место и еще больше запутывали упряжку. Наконец каждая нитка была одним концом привязана к телеге, а другим — к шее мыши, и порядок установился.

В это время проснулась Элли и с удивлением смотрела на странную картину. Страшила в нескольких словах рассказал ей обо всем и обратился к королеве-мыши:

— Ваше величество! Позвольте представить вам Элли, Фею Убивающего Домика!

Девочка и мышь вежливо раскланялись и завязали дружеский разговор.

Сборы кончились.

Не легко было двум друзьям взвалить тяжелого Льва на телегу. Но они все же подняли его, и мыши с помощью Страшилы и Железного Дровосека быстро вывезли телегу с макового поля.

Лев был привезен на полянку, где сидела Элли под охраной Тотошки.

Девочка сердечно благодарила мышей за спасение верного друга, которого очень полюбила.

Мыши перегрызли нитки, привязанные к шеям, и поспешили к своим домам. Королева-мышь подала девочке крошечный свисточек.

— Если я буду нужна вам снова, — сказала она, — свистните в этот серебряный свисток — и я явлюсь к вашим услугам. До свиданья!

— До свиданья! — ответила Элли.

Но в это время Тотошка вырвался у нее из рук, и мыши пришлось спасаться в густой траве с поспешностью, совсем неприличной для королевы.

В гостях

Путники терпеливо ждали, когда проснется Лев: он слишком долго дышал отравленным воздухом макового поля. Наконец он открыл глаза, широко зевнул и попробовал потянуться, но перекладины телеги помешали ему.

— Где я? Разве я еще жив?

Увидев друзей, Лев страшно обрадовался и скатился с телеги.

— Расскажите, что случилось? Я изо всех сил бежал по маковому полю, но лапы мои точно налились свинцом, усталость свалила меня, и дальше я ничего не помню.

Страшила рассказал, как мыши вывезли Льва с макового поля.

Лев покачал головой.

— Как это удивительно! Я всегда считал себя очень большим и сильным. И вот цветы, такие ничтожные по сравнению со мной, чуть не убили меня, а жалкие, маленькие существа, мыши, на которых я всегда смотрел с презрением, спасли меня! А все это потому, что их много, они действуют дружно и становятся сильнее меня — Льва,

царя зверей! Но что будем делать, друзья мои?

— Продолжать путь к Изумрудному городу, — ответила Элли.

Когда Лев оправился, вся компания весело двинулась в путь по мягкой зеленой траве, и скоро они дошли до дороги, вымощенной желтым кирпичом, и обрадовались ей, как милому старому другу.

Скоро по сторонам дороги появились красивые изгороди; за ними стояли фермерские домики, и на полях работали люди. Изгороди и дома были выкрашены в красивый ярко-зеленый цвет, и люди носили зеленую одежду.

— Началась Изумрудная страна, — сказал Железный Дровосек.

Жители Изумрудной страны ростом были не выше Жевунов. На головах у них были такие же широкополые шляпы с острым верхом, но они не пришивали к ним серебряных колокольчиков. Казалось, они были неприветливы: никто не подходил к Элли и даже издали не обращался к ней с вопросами. Но они просто боялись большого, грозного Льва и маленького косматого Тотошки.

— Боюсь я, что нам придется ночевать в поле, — заметил Страшила.

— А мне хочется есть, — сказала девочка. —

Фрукты здесь хороши и все-таки надоели мне так, что я их видеть не могу! И Тотошка отощал совсем. Что он, бедный, ест?

Элли не знала, что Тотошка каждую ночь бегал со Львом на охоту и питался остатками его добычи.

Завидев домик, хозяйка которого казалась ласковой, Элли решила попроситься на ночлег. Оставив приятелей за забором, она смело подошла к крыльцу. Женщина спросила:

— Что тебе нужно, дитя?

— Пустите нас, пожалуйста, переночевать!

— Но с тобой Лев!

— Не бойтесь его: он ручной, да и, кроме того, трус.

— Если это так, — отвечала женщина, — вы получите ужин и постель.

Компания вошла в дом, удивив и перепугав детей и хозяина дома. Когда прошел всеобщий испуг, хозяин спросил:

— Кто вы такие и куда идете?

Мы идем в Изумрудный город, — ответила Элли, — и хотим увидеть Великого Гудвина.

— О, неужели? Уверены ли вы, что Гудвин захочет вас видеть?

— А почему нет?

— Видите ли, он никого не принимает. Я много раз бывал в Изумрудном городе. Это удивительное и прекрасное место, но мне никогда не удавалось увидеть Великого Гудвина, и я знаю, что его никто никогда не видел.

— Разве он не выходит?

— Нет. И день и ночь он сидит в большом тронном зале своего дворца, и даже те, кто прислуживает ему не видят его лицом к лицу.

На кого же он похож?

Трудно сказать, — задумчиво ответил хозяин. — Дело в том, что Гудвин — великий мудрец и может принимать любой вид. Иногда он появляется в виде птицы или слона, а то вдруг оборотится котом. Иные видели его в образе рыбы или мухи и во всяком другом виде, какой ему заблагорассудится принять. Но каков его настоящий вид, этого не знает никто из людей.

— Это удивительно, — сказала Элли. — Но мы попытаемся увидеть его, иначе наше путешествие окажется напрасным.

— Зачем вы хотите увидеть Гудвина Ужасного? — спросил хозяин.

— Я хочу попросить у него немножко мозгов для моей соломенной головы, — отвечала Страшила.

— О, для него это пустяки! Мозгов у него гораздо

больше, чем ему требуется.

— А я хочу, чтобы он дал мне сердце, — промолвил Дровосек.

— И это ему не трудно, — отвечал хозяин, лукаво подмигивая. — У него на веревочке сушится целая коллекция сердец всевозможных форм и размеров.

— А я хотел бы получить от Гудвина смелость, — сказал Лев.

— У Гудвина в тронной комнате — большой горшок смелости, — объявил хозяин. — Он накрыт золотой крышкой, и Гудвин смотрит, чтобы смелость не перекипела через край. Конечно, он с удовольствием даст вам порцию.

Все три друга, услышав обстоятельные разъяснения хозяина, просияли и с самодовольными улыбками посматривали друг на друга.

— А я хочу, — сказала Элли, — чтобы Гудвин вернул меня в Канзас.

— Где это Канзас? — спросил удивленный хозяин.

— Я не знаю, — печально отвечала Элли. — Но это моя родина, и она где-нибудь да есть.

— Ну, я уверен, что Гудвин найдет для тебя Канзас. Но надо сначала увидеть его самого, а это нелегкая задача. Гудвин не любит показываться,

и, очевидно, у него есть на этот счет свои соображения, — добавил хозяин шёпотом и оглянулся, как бы ожидая, что Гудвин выскочит из-под кровати или из шкафа.

Всем стало немного жутко.

— А ты, маленький зверь, чего хочешь от Гудвина? — спросил хозяин у Тотошки.

Но песик только замахал хвостиком: ведь он был собачкой из такой страны, где животные совсем не умеют говорить.

Ужин был подан, и все сели за стол. Элли ела восхитительную гречневую кашу, и яичницу, и черный хлеб; она была страшно рада этим кушаньям, напомнившим ей родину. Льву тоже дали каши, но он ее съел с отвращением и сказал, что это кушанье для кроликов, а не для львов. Страшила и Дровосек ничего не ели. Тотошка съел свою порцию и вылизал тарелку.

Женщина уложила Элли в постель, и Тотошка устроился рядом с ней. Лев лег у порога комнаты и сторожил, чтобы никто не вошел. Железный Дровосек и Страшила простояли всю ночь в уголке, изредка разговаривая шёпотом.

Изумрудный город

На следующее утро, после нескольких часов пути, друзья увидели на горизонте слабое зеленое сияние.

— Это, должно быть, Изумрудный город, — сказала Элли.

По мере того как они шли, сияние становилось ярче и ярче, но только после полудня путники подошли к высокой каменной стене ярко-зеленого цвета. Прямо перед ними были большие ворота, украшенные огромными изумрудами, сверкавшими так ярко, что они ослепляли даже нарисованные глаза Страшилы. У этих ворот кончилась дорога, вымощенная желтым кирпичом, которая так много дней вела их и наконец привела к долгожданной цели.

У ворот висел колокол. Элли дернула за веревку, и колокол ответил глубоким серебристым звоном. Большие ворота медленно открылись, и путники пошли в сводчатую комнату, на стенах которой блестело бесчисленное множество изумрудов.

Перед путниками стоял маленький человек.

Он был **с** головы до ног одет в зеленое, и на боку у него висел зеленый чемоданчик. Увидев Элли и ее спутников, зеленый человечек спросил:

— Зачем вы пришли в Изумрудный город?

— Мы хотим видеть Великого Гудвина, — отвечала Элли.

— Много лет никто не просил у меня пропуска к Гудвину Ужасному, — задумчиво ответил человечек. — Он могуч и грозен, и, если вы пришли с пустой и коварной целью отвлечь Великого Гудвина от мудрых размышлений, он уничтожит вас в одно мгновенье.

— Но мы пришли к Гудвину по важным делам, — сказал Страшила. — И мы слышали, что Гудвин — добрый мудрец.

— Это так, — сказал зеленый человечек. — Он управляет Изумрудным городом мудро и хорошо. Однако для тех, кто приходит в город из-за пустого любопытства, он ужасен. Я — Страж Ворот, и раз вы пришли, я должен провести вас к Гудвину, только наденьте очки.

— Очки? — удивилась Элли.

— Без очков вас ослепит великолепие Изумрудного города. Даже все жители города носят очки день и ночь. Таков приказ мудрого Гудвина. Очки запираются на ключ, чтобы никто не мог

снять их.

Он открыл зеленый чемоданчик, и там оказалась куча зеленых очков всевозможных размеров. Все путники, не исключая Льва и Тотошки, оказались в очках, которые Страж Ворот замкнул ключиком.

Страж Ворот тоже надел очки, вывел путников через противоположную дверь, и они оказались на улице Изумрудного города.

Блеск Изумрудного города ослепил путников, хотя глаза их были защищены очками. По бокам улицы возвышались великолепные дома из зеленого мрамора, стены которых были украшены изумрудами. Мостовая была из зеленых мраморных плит, а между ними были вделаны блестящие изумруды. На улицах было много народу.

На странных товарищей Элли смотрели с любопытством, но никто из жителей не заговаривал с ней: и здесь ’боялись Льва и Тотошки. Жители города были в зеленом, и кожа их была смуглозеленоватого оттенка. Все было зеленого цвета в Изумрудном городе, и даже солнце светило зелеными лучами.

Страж Ворот провел путников по зеленым улицам, и они очутились перед большим красивым

зданием, расположенным в центре города. Это и был дворец Великого Мудреца и Волшебника Гудвина.

Сердце Элли затрепетало от волнения и страха, когда она шла по дворцовой площади, украшенной фонтанами и клумбами.

Перед дверью стоял высокий солдат, одетый в зеленый мундир. У солдата была зеленая борода, спускавшаяся ниже колен. Он ужасно гордился своей бородой, и неудивительно: другой такой не было в стране Гудвина. Солдат то и дело вытаскивал гребешок и зеркальце и расчесывал бороду на разные лады, и, когда он занимался бородой, во дворец мог пройти кто угодно.

Страж Ворот оторвал солдата от любимого занятия.

— Вот чужестранцы, — сказал он. — Они хотят видеть Гудвина.

— Войдите! — ответил солдат, со вздохом спрятав гребешок и зеркальце. — Я передам Великому Гудвину ваше желание.

Путников ввели в приемную. Солдат попросил их вытереть ноги о зеленый половичок у входа и усадил в зеленые кресла.

— Побудьте здесь, а я пройду к двери тронного зала и доложу Гудвину о вашем прибытии.

Минут через десять солдат вернулся, и Элли спросила его:

— Видели Гудвина?

О нет, я его никогда не вижу! — последовал ответ. — Великий Гудвин всегда говорит со мной из-за двери, вероятно, вид его так страшен, что волшебник не хочет попусту пугать людей. Я доложил о вашем приходе. Сначала Гудвин рассердился и не хотел меня слушать. Однако, узнав, что на вас серебряные башмачки, он чрезвычайно заинтересовался и сказал, что примет вас всех. Но каждый день к нему допускается только один проситель — таков его обычай. И, так как ваше пребывание во дворце продлится несколько дней, он приказал отвести вам комнаты, чтобы вы отдохнули от долгого пути.



Солдат то и дело расчесывал бороду.

— Передайте благодарность Великому Гудвину, — отвечала Элли.

Девочке показалось, что волшебник не так страшен, как говорят, и что он вернет ее на родину.

Солдат свистнул в зеленый свисточек, и явилась красивая девушка в зеленом шелковом платье. У нее была красивая гладкая зеленая кожа, зеленые глаза и пышные зеленые волосы. Она низко поклонилась Элли и сказала:

— Идите за мной, я отведу вас в вашу комнату.

Они прошли по богатым покоям, много раз спускались и поднимались по лестницам, и нако-

нец Элли очутилась в отведенной ей комнате. Это была самая восхитительная и уютная комнатка в мире, с маленькой кроваткой, с фонтаном посредине, из которого била тонкая струйка воды, падавшая в красивый бассейн. Конечно, и здесь все было зеленого цвета.

— Располагайтесь, как дома, — сказала зеленая девушка. — Гудвин примет вас завтра утром.

Оставив Элли, девушка развела остальных путешественников по комнатам. Комнаты были Прекрасно обставлены и находились в лучшей части дворца.

Впрочем, на Страшилу окружающая роскошь не произвела никакого впечатления. Очутившись в своей комнате, он стал около двери с самым глупым видом и простоял, не сходя с места, до самого утра. Всю ночь он таращил глаза на паучка, который так беззаботно плел паутину, как будто находился не в прекраснейшем дворце, а в бедной лачужке сапожника.

Железный Дровосек хотя и лег в постель, но сделал это по привычке тех времен, когда он был еще из плоти и крови. Но и он не спал всю ночь, то и дело двигая головой, руками и ногами, чтобы убедиться, что они не заржавели.

Лев с удовольствием улегся бы на заднем дворе,

на подстилке из соломы, но ему этого не позволили; он забрался на кровать, свернулся клубком, как кот, и захрапел на весь дворец.

Удивительные превращения волшебника Гудвина

Наутро зеленая девушка надела Элли красивое платье и шелковый передник, повязала Тотошке на шею зеленую ленточку и повела их в тронный зал Гудвина.

В зале рядом с тронным собрались придворные кавалеры и дамы в нарядных костюмах. Гудвин никогда не выходил к ним и не принимал их у себя; тем не менее они каждое утро проводили во дворце, пересмеиваясь и сплетничая: они называли это придворной службой. Придворные посмотрели на Элли с удивлением и, заметив на ней серебряные башмачки, отвесили ей почтительные поклоны.

— Неужели вы действительно удостоитесь приема у Гудвина Ужасного? — спрашивали они.

— Гудвин хочет меня видеть, — ответила Элли.

Зазвенел колокольчик.

— Сигнал! — сказала зеленая девушка. — Войдите в тронный зал.

Солдат открыл маленькую боковую дверь. Элли робко вошла и очутилась в удивительном месте.

Тронный зал Гудвина был круглый, с высоким сводчатым потолком; и все в нем — и пол, и потолок, и стены — было усыпано бесчисленными драгоценными камнями, играющими всеми цветами радуги.



На троне лежала огромная Живая Голова.

Элли взглянула вперед: в центре комнаты стоял трон из зеленого мрамора, сияющий бриллиантами. И на этом троне лежала огромная Живая Голова, одна голова, без туловища.

Голова имела настолько внушительный вид, что Элли обомлела от страха, а Тотошка с визгом прижался к ногам девочки.

Лицо Головы было гладкое и лоснящееся, с полными щеками, с огромным носом, с крупными, плотно сжатыми губами. На черепе не было ни волоска, и он сверкал, как выпуклое зеркало. Голова казалась безжизненной: ни морщины на лбу, ни складки у губ, и на всем лице жили только глаза. Они с непонятным проворством повернулись в орбитах и уставились в потолок. Когда глаза вращались, в тишине зала слышался скрип, и это поразило Элли.

Девочка в страхе смотрела на непонятное движение глаз и так растерялась, что забыла поклониться Голове.

— Я — Гудвин, Великий и Ужасный! Кто ты такая и зачем беспокоишь меня?

Элли заметила, что рот Головы не двигается и голос, негромкий и даже приятный, слышался как будто со стороны.

Девочка ободрилась и отвечала:

— Я — Элли, маленькая и слабая. Я пришла издалека и прошу у вас помощи.

Глаза снова повернулись в орбитах и застыли, глядя в сторону; казалось, они хотели посмотреть на Элли, но не могли. Голос спросил:

— Откуда у тебя серебряные башмачки?

— Я сняла их с злой волшебницы, которую раздавил мои домик.

Глаза Живой Головы завертелись и наконец уставились на Элли.

Чего ты хочешь от меня? — спросил голос.

— Пошлите меня на родину, в Канзас, к дяде Джону и тетке Анне, — робко ответила Элли. — Ох, я уверена, что тетка Анна скучает обо мне и ждет не дождется, когда я вернусь домой!.. Я не люблю вашей страны, хотя она и великолепна, — храбро призналась девочка.

— Ты из Канзаса? — взволнованно спросил голос, и в нем послышались мягкие, человеческие нотки. — А как там сейчас... — Но вдруг голос замолк и после долгой паузы сухо спросил: — Почему я должен вернуть тебя на родину?

— Потому что сильные должны помогать слабым. Вы великий мудрец и волшебник, а я беспомощная маленькая девочка.

— Ты оказалась достаточно сильной, чтобы

убить злую волшебницу, — сказала Голова.

— Это же случайно, — просто отвечала девочка. — Я тут ни при чем.

— Вот мой ответ, — сказала Живая Голова, и глаза ее завертелись с такой необычайной быстротой, что Элли вскрикнула от испуга. — Я ничего не делаю даром. Если хочешь воспользоваться моим волшебным искусством, чтобы вернуться домой, ты должна сделать, что я тебе прикажу.

Глаза Головы замигали много раз подряд. Несмотря на испуг, Элли заинтересовалась проделками глаз и ждала, что они будут делать дальше. Движения глаз совершенно не соответствовали словам Головы и тону ее голоса, и девочке казалось, что глаза живут самостоятельном жизнью.

Голова ждала ответа..

— Но что я должна сделать? — спросила удивленная Элли.

— Убей злую Бастинду, волшебницу Запада, — ответила Голова.

— Но я же не могу! — вскричала Элли в испуге.

— Ты убила злую восточную волшебницу и носишь волшебные серебряные башмаки. Осталась одна злая волшебница в моей стране, и, когда ты убьешь ее, я верну тебя в Канзас, но не прежде! Так сказал Гудвин, Великий и Ужасный, и слово

его — Закон!

Девочка заплакала от разочарования и горя. Глаза замигали и уставились вбок..

— Я никогда никого не убивала по своей воле, всхлипывала девочка. — Если б я даже хотела, то как я справлюсь с злой волшебницей?

— Мне безразлично, как ты ее убьешь, — сказала Живая Голова. — Но вот мое последнее слово: когда погибнет Бастинда, ты вернешься в Канзас, к дяде Джону и тетке Анне. Помни, что это волшебница могущественная и злая, ужасно могущественная и злая, и она должна быть убита! Иди и не возвращайся ко мне, пока не выполнишь свою задачу.

Печальная Элли оставила тронный зал и вернулась к друзьям, которые с беспокойством ожидали ее.

— Нет надежды! — сказала девочка со слезами. — Гудвин приказал мне убить злую западную волшебницу, а мне этого никогда не сделать!

Все опечалились, но никто не мог утешить Элли. Она пошла в спою комнату и плакала, пока не уснула.

На следующее утро зеленобородый солдат явился за Страшилой.

— Идите за мной, вас ожидает Гудвин.

Страшила вошел в тронный зал и увидел на троне прекрасную молодую женщину в великолепном наряде. Лицо женщины было неподвижно, как маска, глаза смотрели в одну точку, но веер в руке непрерывно складывался и раскрывался однообразным механическим движением.

Страшила, ожидавший увидеть Живую Голову, растерялся, но потом собрался с духом и почтительно поклонился. Женщина сказала приятным низким голосом, звучавшим, казалось, со стороны:

— Я — Гудвин, Великий и Ужасный! Кто ты и зачем пришел ко мне?

— Я — чучело, набитое соломой! — ответил Страшила. — Я прошу вас дать мозгов для моей соломенной головы, и я буду, как все люди в ваших владениях.

— Почему ты обращаешься с этой просьбой ко мне?

— Потому что вы мудры и никто, кроме вас, не поможет мне.

— Мои милости не даются даром, — ответила женщина. — И вот мой ответ: убей Бастинду, и я дам тебе столько мозгов — и прекрасных мозгов! — что ты станешь мудрейшим человеком в стране Гудвина.

— Но ведь вы приказали Элли убить волшебницу! — с удивлением вскричал Страшила.

— Мне неважно, кто убьет ее, — ответил голос. — Но, пока она не умрет, твоя просьба не будет исполнена. Иди и заслужи мозги!

Страшила печально поплелся к друзьям и рассказал им, как принял его Гудвин.

Все удивились, услышав, что Гудвин явился Страшиле в виде прекрасной женщины.

— Гудвину недостает сердца, как Железному Дровосеку, но он далеко не так добр, как Дровосек, закончил рассказ Страшила.

На следующий день солдат вызвал Железного Дровосека. Когда тот явился в тронный зал, неся на плече топор, с которым никогда не расставался, он не увидел ни Живой Головы, ни прекрасной женщины: на троне громоздился чудовищный зверь. Морда у него была, как у носорога, и на ней в беспорядке было разбросано десять глаз, тупо смотревших в разные стороны. Штук двенадцать лап разной длины и толщины свисали с неуклюжего туловища. Кожа зверя была кое-где покрыта косматой шерстью; в других местах она была голой, и на грубой серой поверхности выступали бородавчатые наросты.

Более отвратительного чудовища невозможно

было себе представить. У любого человека при виде его сердце забилось бы от страха. Но Железный Дровосек не имел сердца, поэтому он не испугался и вежливо приветствовал чудовище. Все-таки он был сильно разочарован, так как ожидал увидеть Гудвина в образе прекрасной женщины, которая, по мнению Дровосека, скорее наделила бы его сердцем.

— Я — Гудвин, Великий и Ужасный! — проревел зверь голосом, выходившим не из пасти чудовища, а из дальнего угла комнаты. — Кто ты такой и зачем тревожишь меня?

— Я — Дровосек и сделан из железа. Я не имею сердца и не могу любить. Дайте мне сердце, и я буду как все люди в вашей стране.

— Всё просьбы да просьбы! Право, чтобы удовлетворить все ваши желания, я должен сидеть день и ночь за своими волшебными книгами. — И после молчания голос добавил: — Если хочешь иметь сердце, заработай его!

— Как?

— Убей Бастинду! Ты получишь самое большое, и самое доброе, и самое любвеобильное сердце в стране Гудвина! — насмешливо прорычало чудовище.

Железный Дровосек не стерпел насмешки и

шагнул вперед, снимая с плеча тяжелый топор. Движение Дровосека было таким стремительным, что зверь испугался. Он злобно провизжал:

— Ни с места! Еще шаг вперед, и я уничтожу тебя и твоих друзей!

Железный Дровосек попятился. Он испугался не за себя, а за Элли и других товарищей.

— Уходи! Уходи! — гремел голос. — Слово Гудвина — Закон!

Железный Дровосек в смущении покинул тронный зал и поспешил с плохими известиями к друзьям. Лев свирепо сказал:

— Хоть я и трус, а придется мне завтра померяться силами с Гудвином. Если он явится в образе зверя, я рявкну, как на тигромедведей, и напугаю его. Если он примет вид женщины, я схвачу его и поговорю с ним по-своему. А лучше всего, если бы он был Живой Головой, — я катал бы се из угла в угол и подбрасывал бы, как мяч, пока она не исполнит наших желаний.

На следующее утро наступила очередь Льва итти к Гудвину, но когда он пошел в тронный зал, то отпрыгнул в изумлении: над тропом качался и сиял Огненный Шар. Леи зажмурил глаза.

Из угла раздался голос:

— Я Гудвин, Великий и Ужасный! Кто ты и за-

чем докучаешь мне?

— Я — Трусливый Лев! Я хотел бы получить от вас немного смелости, чтобы стать царем зверей, как меня величают.

— Съешь злую волшебницу Бастинду! Разорви ее в клочки — и вся смелость, какая есть во дворце Гудвина, будет твоя! Но, если ты этого не сделаешь, ты навсегда останешься трусом. Я заколдую тебя, и ты будешь бояться мышеи и лягушек!

Рассерженней Лен начал подкрадываться к Шару, чтобы схватить его, но на него дохнуло таким жаром, что Лев взвыл и, поджав хвост, выбежал из зала. Он вернулся к друзьям и рассказал о приеме, который устроил ему Гудвин.

— Что же с нами будет? — печально спросила Элли.

— Ничего не остается, как уничтожить злую волшебницу, сказал Лев.

— А если не удастся? — спросила девочка.

— Я никогда не получу смелости, — ответил Лев.

— А я никогда не получу мозгов, — сказал Страшила.



На троне громоздился чудовищный зверь.

— А я никогда не получу сердца, — добавил Железный Дровосек.

— А я никогда не увижу дядю Джона и тетку Анну, — закончила Элли и заплакала.

— Осторожней! — вскричала зеленая девушка, которая была тут же. — Слезы капают на новое платье, и на нем будут пятна!

Элли вытерла слезы и сказала:

— Попробую! Но я уверена, что ни за какие блага в мире не смогу убить даже кошки.

— Я пойду с тобой, — сказал Лев. — Но я слишком труслив, чтобы убить злую волшебницу.

— Я тоже пойду, — сказал Страшила. — Правда, я ничем не помогу тебе, ведь я слишком глуп.

— У меня не хватит духу обидеть Бастинду, — сказал Железный Дровосек. — Но, если вы идете, конечно, я пойду с нами, друзья!

Решили отправиться на следующий день ранним утром.

Железный Дровосек наточил топор, тщательно смазал все суставы и доверху наполнил маслёнку маслом. Страшила приказал набить себя свежей овсяной соломой. Элли достала кисточку и краски и заново подвела ему глаза, рот, нос и уши, поблекшие от дорожной пыли и яркого солнца. Зеленая девушка наполнила корзинку Элли вкусными кушаньями и привязала Тотошке на шею колокольчик.

На рассвете их разбудил крик зеленого петуха, жившего на заднем дворе.

Злая волшебница Запада

Зеленобородый солдат отвел путников к воротам Изумрудного города. Страж Ворот снял с них очки.

— Где дорога в Западную страну? — спросила Элли.

— Туда нет дороги, — был ответ. — Никто по доброй воле не ходит в страну злой Бастинды.

— Как же мы найдем ее?

— О, это легко! — вскричал Страж Ворот. — Когда вы придете в Западную страну, Бастинда сама найдет вас и заберет в рабство.

— А может, мы убьем ее? — сказал Страшила.

— Ах, вы идете убивать Бастинду? Тем хуже для вас! Ее еще никто не пробовал убить, кроме Гудвина, да и тот, — Страж Ворот понизил голос, — потерпел неудачу. Она постарается захватить вас в плен, прежде чем вы убьете ее. Будьте осторожны! Бастинда очень сильная и злая волшебница и не позволит себя убить. Идите туда, где садится солнце, и вы придете в ее страну. Желаю вам успеха!

Путники распрощались со Стражем, и он за-

крыл за ними ворота Изумрудного города. Элли повернула на запад, остальные пошли за ней. Все были печальны, зная, какая трудная задача им предстоит. Только Тотошка, радуясь свободе, весело носился по полю и лаял на больших пестрых бабочек.

Элли посмотрела на собачку и вскрикнула от изумления: ленточка на ее шее из зеленой превратилась в белую. Девочка взглянула на платье, надетое ею во дворце Гудвина, и удивилась еще больше: и платье стало белым.

— Что это значит? — спросила она друзей.

Все посмотрели друг на друга, а Страшила глубокомысленно заявил:

— Колдовство!

Изумрудный город исчезал вдали. Страна становилась пустынной и неплодородной: путники приближались к владениям Бастинды.

После полудня солнце светило путникам в глаза, ослепляя их, но они шли по каменистому плоскогорью, и не было ни одного дерева, чтобы защитить их своей тенью. К вечеру Элли устала, а Лев поранил лапы и хромал.

Остановились на ночлег. Страшила и Железный Дровосек стали на караул, а остальные заснули.

У надетое ею злой Бастинды был только один глаз, зато она видела им так, что не было уголка в стране Запада, который ускользнул бы от ее острого взора.

Выйдя вечерком посидеть на крылечке, Бастинда обвела глазом свои владенья и вздрогнула от злобы: далеко-далеко, на границе страны, она увидела маленькую спящую девочку и ее друзей.

Волшебница свистнула в свисток. Ко дворцу Бастинды с шумом сбежалась стая огромных волков со злыми желтыми глазами, с большими клыками, торчавшими из разинутых пастей. Волки присели на задние лапы и, тяжело дыша, смотрели на Бастинду.

— Бегите на восток! Там найдете маленькую девчонку, нагло забравшуюся в мою страну, и с ней ее спутников: всех разорвите в клочки!

— Почему ты не возьмешь их в рабство? — спросил предводитель стаи.

— Девчонка слаба; ее спутники не могут работать: один набит соломой, другой — из железа. И с ними Лев, от которого тоже не жди толку.

Вот как видела Бастинда своим единственным глазом!

Волки помчались.

— В клочки! В клочки! — визжала волшебница

вдогонку.



Бегите на восток! Там найдете маленькую девчонку…

Но Страшила и Железный Дровосек не спали. Они вовремя заметили приближение волков.

— Разбудим Льва! — сказал Страшила.

— Не стоит, — ответил Железный Дровосек. — Это мое дело управиться с волками. Я им устрою хорошую встречу!

И он вышел вперед. Когда вожак подбежал к Железному Дровосеку, широко разевая красную пасть, Дровосек взмахнул остро отточенным топором, и голова волка отлетела. Волки бежали вереницей, один за другим; как только следующий бросился на Железного Дровосека, тот был уже наготове с поднятым кверху топором, и голова волка упала наземь.

Сорок свирепых волков было у Бастинды, и сорок раз поднимал Железный Дровосек свой топор. И, когда он поднял его в сорок первый раз, ни одного волка не осталось в живых — все они лежали у ног Железного Дровосека.

— Прекрасная битва! — восхитился Страшила.

Железный Дровосек скромно улыбался.

Друзья дождались утра. Проснувшись и увидев кучу мертвых волков, Элли испугалась. Страшила и Желейный Дровосек рассказали о ночной битве, и девочка от всей души благодарила Дровосека. После завтрака вся компания смело двинулась в путь.

Старая Бастинда любила поспать. Она встала

поздно и вышла на крыльцо расспросить волков, как они загрызли дерзких путников.

Каков же был ее гнев, когда она увидела, что путники продолжают путь, а верные волки лежат мертвые!

Бастинда свистнула дважды, и в воздухе закружилась стая хищных ворон. Волшебница крикнула:

— Летите к востоку! Там чужестранцы! Заклюйте их до смерти! Разорвите на куски! Выклюйте глаза! Скорей! Скорей!

Вороны со злобным карканьем понеслись навстречу путникам. Увидев их, Элли перепугалась. Но Страшила сказал:

— С этими управиться — мое дело! Ведь недаром я воронье пугало! Становитесь сзади меня! — и он нахлобучил шляпу на голову, широко расставил руки и принял вид заправского пугала.



Страшила поймал ворона за крыло и мигом свернул ему шею.

Вороны растерялись и нестройно закружились в воздухе. Но вожак стаи хрипло прокаркал:

— Чего испугались? Чучело набито соломой! Вот я ему задам!

И вожак хотел сесть Страшиле на голову, но тот поймал его за крыло и мигом свернул шею. Другая ворона бросилась вслед, и ей также Страшила свернул шею. Сорок хищных ворон было у злой Бастинды, и всем свернул шеи храбрый Страшила и побросал их в кучу.

Путники смело двинулись на запад, благодаря Страшилу за находчивость.

Когда Бастинда увидела, что и верные ее вороны лежат на земле мертвой грудой, а путники неустрашимо идут вперед, ее охватили и злоба и страх.

— Как, неужели всего моего волшебного искусства недостанет задержать наглую девчонку и ее спутников?

Бастинда затопала ногами и трижды просвистела в свисток. На зов слетелась туча свирепых черных пчел, укус которых был смертелен.

— Летите на восток! — завизжала волшебница. — Найдите там чужестранцев и зажальте досмерти! Быстрей! Быстрей!

И пчелы с оглушительным жужжаньем полетели навстречу путникам. Железный Дровосек и Страшила заметили их издалека. Страшила мигом сообразил, что делать.

— Вытаскивай из меня солому! — закричал он Железному Дровосеку. — Забрасывай Элли, Льва и собаку, и пчелы не доберутся до них!

Он проворно расстегнул — кафтан, и из него высыпался целый ворох соломы. Лев, Элли и Тотошка бросились на землю, Железный Дровосек быстро забросал их и выпрямился во весь рост.

Туча пчел с яростным жужжаньем набросилась на Железного Дровосека. Дровосек улыбался: пчелы ломали ядовитые жала о железо и тотчас умирали, так как пчела не может жить без жала. Они падали, на их место налегали другие и также пытались вонзить жала в железное тело Дровосека.

Скоро все пчелы мертвыми лежали на земле, как куча черных угольков. Лев, Элли и Тотошка вылезли из-под соломы. Страшила был снова набит, и друзья снова двинулись в путь.

Злая Бастинда необыкновенно разгневалась и

испугалась, видя, что и верные ее пчелы погибли, а путники идут вперед и вперед. Она рвала на себе волосы, скрежетала зубами и от злости долго не могла выговорить ни слова. Наконец волшебница пришла в себя и, созвав своих своих Мигунов (она была повелительницей страны Мигунов), вооружила их острыми копьями и приказала уничтожить дерзких путников. Мигуны были не очень-то храбры: они жалостно замигали, и слезы покатились у них из глаз, но они не осмелились ослушаться приказа и пошли на бой.

Когда Лев увидел, как Мигуны осторожно приближаются, прячась друг за друга, подталкивая один другого сзади и боязливо мигая и щурясь, он расхохотался.

— С этими битва будет недолга!

Он выступил вперед, раскрыл огромную пасть и так рявкнул, что Мигуны побросали копья и пустились наутек.

Злая Бастинда позеленела от страха, видя, что путники идут да идут вперед и уже недалеко от ее дворца.



Лев так рявкнул, что Мигуны побросали копья.

Пришлось воспользоваться последним волшебным средством, которое у нее оставалось. На дне сундука у Бастинды хранилась Золотая Шапка. Владелец Шапки мог когда угодно вызвать могучее племя Летучих Обезьян и заставить их выполнить любое приказание. Но Шапку можно было употребить только три раза, и уже дважды Бастинда призывала Летучих Обезьян.

В первый раз она с их помощью стала владетельницей страны Мигунов, а во второй раз

отбила войска Гудвина Ужасного, который пытался завоевать страну Запада.

Вот почему Гудвин боялся злой Бастинды и послал на нее Элли, рассчитывая на силу ее серебряных башмачков.

Понятно, Бастинде не хотелось использовать Шапку в третий раз: ведь на этом кончалась ее волшебная сила. Но у колдуньи уже не было ни волков, ни ворон, ни черных пчел, а на Мигунов, как видно, нельзя было положиться.

И вот Бастинда достала Шапку, надела на голову и начала колдовать. Она стала на левую ногу и шепнула:

— Эп-пи, пэп-пи, кэк-ки!

Потом переступила на правую ногу и сказала громко:

— Хил-ло, хол-ло, хел-ло!

Потом стала на обе ноги и закричала изо всей силы:

— Зиз-зи, зуз-зи, зик!

И небо потемнело от стаи Летучих Обезьян, которые неслись ко дворцу Бастинды, смеясь, шумя и болтая. У каждой обезьяны за спиной была пара мощных крыльев, а лапы их были длинны и сильны. Предводитель стаи подлетел к Бастинде и сказал:

— Ты вызвала нас в третий и последний раз! Что прикажешь сделать?

— Нападите на чужестранцев, забравшихся в мою страну, и уничтожьте всех, кроме Льва! Его я буду запрягать в коляску, как лошадь!

— Будет исполнено! — ответил предводитель, и стая с шумом полетела на восток.

Гибель Бастинды

Путники с ужасом смотрели на приближение тучи огромных обезьян: с этими сражаться было невозможно.

Обезьяны налетели массой и с визгом набросились на растерянных пешеходов; ни один не мог притти на помощь другому, так как всем пришлось отбиваться от врагов.

Железный Дровосек напрасно размахивал топором.

Обезьяны облепили его, вырвали топор, подняли бедного Дровосека высоко в воздух и сбросили в ущелье, на острые скалы. Железный Дровосек был изуродован, он не мог сдвинуться с места и даже охнуть. Вслед за ним в ущелье полетел его топор.

Другая партия обезьян расправилась со Страшилой. Они выпотрошили его, солому развеяли по ветру, а кафтан, пустую голову, башмаки и шляпу свернули в комок и зашвырнули на верхушку горы.

Лев вертелся на месте и так грозно ревел от страха, что обезьяны не решались к нему под-

ступить. Но они изловчились накинуть на льва веревки, повалили на землю, опутали лапы, заткнули пасть, подняли на воздух и с торжеством отнесли во дворец Бастинды. Там его посадили за железную решетку, и Лев в ярости катался, по полу, пытаясь перегрызть путы.

Перепуганная Элли ждала жестокой расправы. На нее бросился сам предводитель Летучих Обезьян и уже протянул к горлу девочки длинные лапы с острыми когтями. Но он увидел на ногах Элли серебряные башмаки, и лицо его посерело от страха. Он отпрянул назад и, загораживая Элли от подчиненных, закричал:

— Девочку нельзя убивать! Это Фея!

Обезьяны приблизились любезно и даже подобострастно, бережно подхватили Элли вместе с Тотошкой и помчались в Желтый дворец Бастинды. Опустившись перед дворцом, предводитель Летучих Обезьян поставил Элли на землю. Взбешенная волшебница набросилась на него с бранью. Предводитель Обезьян сказал:

— Твой приказ исполнен. Мы разбили железного человека и распотрошили чучело, поймали Льва и посадили за решетку. Но мы и пальцем не могли тронуть девочку: ты сама знаешь, какие несчастья грозят тому, кто обидит обладателя

серебряных башмачков. Мы принесли ее к тебе: делай с ней, что хочешь! Прощай навсегда!

Обезьяны поднялись в воздух и с шумом улетели.

Бастинда взглянула на ноги Элли и задрожала от страха: она узнала серебряные башмаки своей сестры Гингемы.

«Как они к ней попали? — растерянно думала Бастинда. — Неужели хилая девчонка осилила могущественную Гингему, повелительницу Жевунов? И все же на ней серебряные башмачки! Плохо мое дело — ведь я пальцем не могу тронуть маленькую нахалку, пока на ней башмаки».

Она крикнула:

— Эй, ты! Иди сюда! Как тебя зовут?

Девочка подняла на злую волшебницу глаза, полные слез:

— Элли, сударыня!

— Расскажи, как ты завладела башмаками моей сестры Гингемы? — сурово крикнула Бастинда.

Элли густо покраснела.

— Право, сударыня, я не виновата. Мой домик упал на госпожу Гингему и раздавил ее...

— Гингема погибла!.. — прошептала злая волшебница.

Бастинда не любила сестру и не видала ее мно-

го лет.

Она испугалась, что девочка в серебряных башмачках принесет гибель и ей. Но, поглядев в простодушное лицо Элли, Бастинда успокоилась.

«Она ничего не знает о таинственной силе башмачков, — решила волшебница. — Если мне удастся завладеть ими, я стану могущественней, чем прежде, когда у меня были волки, вороны, черные пчелы и Золотая Шапка».

Глаза старухи заблестели от жадности, и пальцы скрючились, точно стаскивая с Элли башмаки.

— Слушай меня, девчонка Элли! — хрипло прокаркала она. — Я буду держать тебя в рабстве и, если будешь плохо работать, побью тебя большой палкой и посажу и темный подвал, где крысы — огромные жадные крысы! — съедят тебя и обгложут твои нежные косточки! Хи-хи-хи! Понимаешь ты меня?

— О, сударыня! Не отдавайте меня крысам! Я буду слушаться!

Элли не помнила себя от испуга.

— Иди за мной!

Бастинда повела девочку через прекрасные комнаты дворца, где все было желтое — и стены, и ковры, и мебель — и где у дверей в желтых ливре-

ях стояли Мигуны, сгибаясь вдвое при появлении волшебницы и жалостно мигая ей вслед. Наконец они пришли в темную и грязную кухню.

— Ты будешь чистить горшки, сковородки и кастрюли, мыть пол и топить печку!

И, оставив девочку, полуживую от страха, Бастинда отправилась на задний двор, потирая руки.

— Я хорошо напугала девчонку! Теперь усмирю Льва, и оба будут у меня в руках!

Трусливый Лев перегрыз веревки и лежал в дальнем углу клетки. Когда он увидел Бастинду, желтые глаза его загорелись злобой.

«Ах, как жаль, что у меня еще нет смелости! Уж отплатил бы я старой ведьме за гибель Страшилы и Железного Дровосека!»

И он сжался в комок, готовясь к прыжку. Старуха вошла через маленькую дверцу.

— Эй ты, Лев, слушай! — прошамкала она. — Ты мой пленник! Я буду запрягать тебя в коляску и кататься по праздникам, чтобы Мигуны говорили: «Смотрите, какая могущественная наша повелительница Бастинда: она сумела запрячь даже Льва!»

Пока Бастинда болтала, Лев разинул пасть, ощетинил гриву и прыгнул на волшебницу, проревев:

— Я тебя съем!

Он на волосок не достал до Бастинды. Испуганная старуха выскочила из клетки и проворно захлопнула дверку. Тяжело дыша с перепугу, она крикнула через прутья решетки:

— Ах ты, проклятый! Ты еще не знаешь меня! Я заморю тебя голодом, если не согласишься ходить в упряжке!

— Я тебя съем! — повторил Лев и яростно бросился к решетке.

Старуха затрусила домой, ворча и ругаясь.

…Для Льва и Элли потянулись скучные и тяжелые дни рабства. Элли с утра и до вечера работала на кухне, выполняя капризы старухи. Бастинда придиралась к ней и часто замахивалась на девочку желтым зонтиком, который везде таскала с собой. Элли не знала, что волшебница не может ударить ее, и сердце девочки сжималось, когда зонтик поднимался над ее головой.

Каждый день старуха подходила к решетке и визгливо спрашивала:

— Пойдешь в упряжке?

— Я тебя съем! — был постоянный ответ, и Лев грозно бросался к решетке.

Бастинда с первого дня плена не давала Льву есть, но он не умирал с голоду и был силен и

крепок, как всегда.

Дело в том, что старая Бастинда больше всего на свете боялась темноты и воды. Как только ночная темнота окутывала замок, Бастинда пряталась в самой дальней комнате, запирала двери прочными засовами и не выходила до позднего утра. А Элли, которая совсем не боялась темноты, вытаскивала из шкафа все съестное, что там оставалось, и несла Льву. Она входила в клетку, и Лев, довольно урча, съедал пищу, укладывался поудобнее. Девочка гладила его густую мягкую шерсть и играла кисточкой его хвоста.

Они долго разговаривали: вспоминали про верных друзей: — Страшилу и Железного Дровосека, грустили о их гибели, строили планы бегства, но убежать из Желтого дворца было невозможно: он был обнесен высокой стеной с острыми гвоздями наверху. Ворота Бастинда запирала, а ключи уносила с собой. Поговорив и поплакав, Элли крепко засыпала на соломенной подстилке под надежной охраной Льва.

И так шли тоскливые дни плена. Бастинда с жадностью смотрела на серебряные башмачки Элли, которые девочка снимала только ночью, в клетке Льва, или когда купалась. Но Бастинда боялась воды и никогда не подходила в это время

к Элли.

Бастинда долго думала и наконец изобрела способ завладеть башмачками.

Когда Элли не было в кухне, волшебница протянула над полом топкую проволоку и спряталась за печью.

Девочка вошла, споткнулась о проволоку и упала: башмачок с левой ноги слетел и откатился в сторону. Хитрая Бастинда выскочила из-за печки, мигом схватила башмачок и надела на свою старую, высохшую ногу.

— Хи-хи-хи! А башмачок-то на мне! — дразнила Бастинда девочку, онемевшую от неожиданности.

— Отдай мой башмачок! — закричала Элли, придя в себя. — Ах ты, воровка! Как тебе не стыдно!

— Попробуй, отбери! — кривляясь, отвечала старуха. — Я и второй с тебя также сниму! А уж потом, будь спокойна, отомщу тебе за Гингему! Тебя съедят крысы — хи-хи-хи, огромные жадные крысы! — и сгложут твои нежные косточки!

Элли была вне себя от горя и гнева — она так любила серебряные башмачки! Не сознавая, что она делает, Элли схватила ведро воды, подбежала к Бастинде и окатила ее водой с головы до ног.

Волшебница испуганно вскрикнула и пыталась отряхнуться. Напрасно: лицо ее стало ноздреватым, как тающий снег; от нее повалил пар, фигура начала оседать и испаряться.

— Что ты наделала! — завизжала она. — Ведь я сейчас растаю!

— Очень жаль, сударыня! — пролепетала испуганная Элли. — Но я, право, не знала…

— Сто лет я не умывалась, не чистила зубов, пальцем не прикасалась к воде, потому что мне была предсказана смерть от воды, и вот пришел мои конец!.. — завывала старуха.

Голос волшебницы становился тише и тише: она таяла, как кусок сахару в стакане чая.

Элли с ужасом глядела на гибель Бастинды.

— Вы сами виноваты… — начала она.

— Нет, кто тебя надоу… Фффф…

Голос волшебницы прервался, она с шипеньем осела на пол, и через минуту от нее осталась грязноватая лужица, в которой лежало платье волшебницы, зонтик, жиденькие косички седых полос и серебряный башмачок — причина гибели старой Бастинды.

Элли подобрала кочергой зонтик и платье и бросила в печь, вычистила и надела башмачок, подтерла грязную лужу на полу и побежала рас-

сказывать Льву об удивительном конце злой западной волшебницы Бастинды.

Возвращение в Изумрудный город

Трусливый Лев страшно обрадовался, услышав о гибели злой Бастинды. Элли открыла клетку, и он с наслаждением пробежался по двору, разминая лапы.

Тотчас были собраны Мигуны, и Элли объявила им, что теперь они свободны.

Радость народа была неописуема. Мигуны приплясывали, щелкали пальцами и так усердно подмигивали друг другу, что к вечеру ничего не видели вокруг себя.

Во дворце Бастинды был устроен веселый пир. Элли, Лев и Тотошка сидели на почетных местах, и за их здоровье было выпито множество бокалов.

Мигуны прозвали Элли Феей Спасительной Воды. Один из пирующих предложил, чтобы каждый Мигун умывался пять раз в день; после долгих споров согласились, что трех раз будет достаточно.

— Я был бы счастлив, если бы здесь были наши друзья — Страшила и Железный Дровосек, — ска-

зал Лев.

— Надо спасти их, — ответила Элли.

И она спросила Мигунов, нет ли среди них искусных кузнецов. Оказалось, что страна исстари славится замечательными часовыми мастерами, ювелирами, механиками. Узнав, что дело идет о восстановлении железного человека, товарища Элли, Мигуны уверили ее, что они все готовы сделать для Феи Спасительной Воды.

На следующий день несколько десятков расторопных Мигунов отправились на розыски Железного Дровосека под предводительством Элли и Льва. Они шли весь день, пока не добрались до места битвы с Летучими Обезьянами. Переночевали в овраге, и утром начали поиски. Наконец Железного Дровосека вытащили из ущелья вместе с его топором. Узелок с платьем Страшилы, полинявший и занесенный пылью, нашли на верхушке горы. Элли не могла удержаться от слез при виде жалких останков своих верных друзей.



От нее повалил пар…

Экспедиция вернулась во дворец, и Мигуны принялись за дело.

Костюм Страшилы был зашит, почищен, набит свежей соломой, и вот — пожалуйте! — перед Элли стоял ее милый Страшила, веселый и добродушный, как прежде. Радость Элли и Страшилы

описать невозможно. Страшила обнял Элли своими мягкими руками и, узнав о гибели злой волшебницы, заплясал, прихлопывая в ладоши.

Друзья отправились посмотреть, что делается с Железным Дровосеком. Восстановить Дровосека оказалось далеко не так просто, как Страшилу. Искуснейшие мастера страны три дня и четыре ночи работали над его исковерканным сложным механизмом. Они стучали молотками, пилили подпилками, склепывали, паяли, полировали…

И вот настал счастливый момент, когда Железный Дровосек стоял перед Элли. Он был совсем как новенький, если не считать нескольких заплаток, наложенных там, где железо пробилось о скалы насквозь. Но Дровосек не обращал внимания на заплатки. После починки он стал еще красивее. Мигуны так отшлифовали его, и он так блестел, что на него было больно глядеть. Они починили и его топор и вместо поломанного деревянного топорища сделали золотое. У Мигунов вообще было пристрастие ко всему блестящему. Потом за Железным Дровосеком ходили толпы ребятишек и взрослых и, мигая, таращили на него глаза.

Слезы радости полились из глаз Железного Дровосека, когда он вновь увидел друзей. Страшила и

Элли вытирали слезы желтым полотенцем, боясь, как бы не заржавели его челюсти. Элли плакала от радости, и даже Трусливый Лев прослезился. Он так часто вытирал глаза хвостом, что кисточка на конце его промокла; Льву пришлось бежать на задний двор и сушить хвост на солнышке.

Друзья провели несколько веселых дней в Желтом дворце среди Мигунов и начали собираться в обратный путь.

— Надо итти к Гудвину: он должен исполнить свои обещания, — сказала Элли.

— Ох, наконец-то я получу мои мозги! — крикнул Страшила.

— А я сердце! — молвил Железный Дровосек.

— А я смелость! — рявкнул Трусливый Лев.

— А я вернусь в Канзас, к дяде Джону и тетке Анне! — сказала Элли и захлопала в ладоши.

Утром они собрали Мигунов и сердечно распрощались с ними.

Из толпы вышли три седобородых старика, обратились к Железному Дровосеку и почтительно просили его стать правителем их страны. Мигунам ужасно нравился ослепительно блестящий Железный Дровосек, его стройная осанка, когда он величественно шел с золотым топором на плече.

— Оставайтесь с нами! — просили его Мигуны. — Мы так беспомощны и робки. Нам нужен правитель, который мог бы защитить нас от врагов. Вдруг на нас нападет какая-нибудь злая волшебница и снова поработит нас! Мы очень просим вас!

При одной этой мысли Мигуны взвыли от горя.

— Нет больше злых волшебниц в стране Гудвина! — с гордостью сказал Страшила. — Элли истребила их всех!

Мигуны вытерли слезы и продолжали:

— Подумайте и о том, как удобен такой правитель: он не ест, не пьет и, значит, не будет обременять нас налогами. И, если он пострадает в битве с врагами, мы сможем починить его: у нас уже есть опыт.

Железный Дровосек был польщен.

— Сейчас я не могу расстаться с Элли, — сказал он. — И мне нужно получить в Изумрудном городе сердце. Но потом… я подумаю и, может быть, вернусь к вам.

Мигуны обрадовались и веселым «ура» проводили путников.

Вся компания получила богатые подарки. Элли поднесли браслет с алмазами. Железному Дровосеку сделали изящную серебряную маслёнку,

отделанную драгоценными камнями. Страшиле, зная, что он нетверд на ногах, Мигуны подарили великолепную трость с набалдашником из слоновой кости. Лев и Тотошка получили чудесные золотые ошейники.

И вот Желтый город Мигунов остался позади. Путники шли на восток. Элли была в белом платьице и Золотой Шапке. Девочка случайно нашла Шапку в комнате Бастинды. Она не знала ее волшебной силы, но Шапка понравилась ей, и Элли надела ее вместо старого капора.

Они шли весело и надеялись в два дня добраться до Изумрудного города. Но в горах, где они сражались с Летучими Обезьянами, путники заблудились: сбившись с пути, они пошли в другую сторону.

Дни проходили за днями, а башни Изумрудного города не показывались на горизонте. Провизия была на исходе, и Элли с беспокойством думала о будущем.

Однажды, когда путники отдыхали, девочка внезапно вспомнила о свистке, подаренном ей королевой-мышью.

— Что, если я свистну?

Элли поднесла свисток к губам. Послышался топот маленьких лапок, и на полянку выбежала

королева полевых мышей.

— Добро пожаловать! — радостно крикнули путники, а Дровосек ухватил Тотошку за ошейник.

— Что вам угодно, друзья мои? — спросила королева-мышь своим смешным тоненьким голоском.

— Мы возвращаемся в Изумрудный город из страны Мигунов и заблудились, — сказала Элли. — Помогите найти дорогу!

— Вы идете в обратную сторону, — сказала мышь. — Скоро перед вами откроется великая пустыня, окружающая страну Гудвина. И отсюда до Изумрудного города много-много дней пути.

Элли опечалилась.

— А мы думали, что скоро увидим Изумрудный город!

О чем может печалиться человек, у которого Золотая Шапка? — с удивлением спросила королева-мышь. — Вызовите Летучих Обезьян, и они перенесут вас, куда нужно.

Услышав о Летучих Обезьянах, Железный Дровосек затрясся, а Страшима съежился от ужаса. Лев замахал косматой гривой:

— Опять Летучие Обезьяны? Благодарю покорно! Я с ними достаточно знаком, и, по мне, эти

твари хуже тигромедведей!

Мышь рассмеялась.

— Обезьяны служат владетелю Золотой Шапки. Посмотрите на подкладку: там написано, что нужно делать.

Элли заглянула внутрь.

— Мы спасены, друзья мои! — весело вскричала она.

— Я удаляюсь! — с достоинством сказала королева-мышь. — Наш род не в ладу с родом Летучих Обезьян. До свиданья!

— До свиданья! Спасибо! — прокричали путники, и мышь исчезла.

Элли стала на левую ногу.

— Эп-пи, пэп-пи, кэк-ки! — тихо сказала она.

— Эп-пи? Что такое эп-пи? — спросил в недоумении Страшила.

— Хил-ло, хол-ло, хел-ло! — крикнула девочка, став на правую ногу.

— Хол-ло! — спокойно повторил Железный Дровосек. — Хил-ло!

— Зиз-зи, зуз-эи, зик! — взвизгнула Элли, и в воздухе зашумела стая Летучих Обезьян.

Путники невольно пригнули головы к земле, вспоминая прошлую встречу с Обезьянами. Но стая опустилась со смехом, и предводитель по-

дошел к Элли.

— Что прикажет владетельница Золотой Шапки?

— Отвезите нас в Изумрудный город!

Один миг — и путники очутились высоко в воздухе. Элли несли предводитель Обезьян и его жена; Страшила и Железный Дровосек сидели верхом; Льва подхватили несколько сильных обезьян; молоденькая обезьянка тащила Тотошку, а песик лаял на нее и старался укусить. Сначала путникам было страшно, но они успокоились, видя, как свободно чувствуют себя обезьяны в воздухе.

— Почему вы повинуетесь владетелю Золотой Шапки? — спросила Элли.



Элли несли предводитель Летучих Обезьян и его жена.

— Это длинная история. Но время у нас есть.

И предводитель Обезьян рассказал Элли историю, как несколько веков назад племя Летучих Обезьян обидело могущественную Фею. В наказание Фея сделала волшебную Шапку. Летучие Обезьяны должны выполнить три желания владетеля Шапки, и после этого он не имеет над ними власти. Но, если Шапка переходит к другому, этот может снова три раза приказывать обезьяньему племени. Первой владетельнице!! Шапки была Фея, которая ее сделала. Потом Шапка много раз переходила из рук в руки, пока не попала к злой Бастинде, а от нее к Элли.

Через час показались башни Изумрудного города, и обезьяны бережно опустили Элли и ее спутников у ворот, на дорогу, вымощенную желтым кирпичом.

Стаи взвилась в воздух и с шумом скрылась.

Разоблачения Великого Волшебника Гудвина

Элли позвонила. Вышел привратник и страшно удивился:

— Вы вернулись?

— Как видите! — с достоинством сказал Страшила.

— Но ведь вы отправились к злой волшебнице Запада?

— Мы были у нее, — ответил Страшила.

— И ушли без разрешения? — допытывался удивленный привратник.

— Нам не надо было разрешения! — продолжал Страшила. — Вы знаете, она ведь растаяла!

— Как? Растаяла? Прекрасное, восхитительное известие! Но кто же ее растопил?

— Конечно, Элли! — важно ответил Лев.

Страж Ворот низко поклонился Элли, повел путников в свою комнату и вновь надел на них очки.

Знакомыми улицами путники направились ко дворцу Гудвина. Дорогой Страж Ворот не утерпел и сообщил кое-кому из жителей о гибели Баст-

инды. И скоро за Элли и ее друзьями до самого дворца шла толпа почтительных зевак.

Солдат был на посту и, как всегда, расчесывал длинную зеленую бороду. Он очень обрадовался возвращению путников из опасного похода, вызвал зеленую девушку, и та отвела их в комнаты.

— Пожалуйста, доложите Великому Гудвину о нашем возвращении, — сказала Элли солдату, и передайте, что мы просим нас принять.

Солдат исполнил просьбу Элли, но не получил ответа.

Он ежедневно приходил к дверям тронного зала и докладывал о желании путников видеть Гудвина, и каждый раз ответом была гробовая тишина.

Прошла неделя. Ожидание стало невыносимо томительным. Путники рассчитывали встретить во дворце Гудвина горячий прием. Равнодушие волшебника и пугало и раздражало их.

— Уж не умер ли он? — задумчиво говорила Элли.

— Нет, нет! Он не хочет выполнять своих обещаний и прячется от нас! — кипятился Страшила. — Конечно, ему жаль мозгов, и сердца, и смелости — ведь это все ценные вещи! Но не надо было посылать нас к злой волшебнице Запада,

которую мы так храбро уничтожили!

Разгневанный Страшила объявил солдату:

— Скажите Гудвину: если он нас не примет, мы вызовем Летучих Обезьян. Скажите Гудвину, что мы — их хозяева, мы владеем Золотой Шапкой — зиз-зи, зуз-зи, зик! — и, когда сюда явятся Летучие Обезьяны, мы с ним поговорим!

Солдат ушел и очень скоро вернулся.

— Гудвин Ужасный примет вас всех завтра ровно в десять часов утра в тронном зале. Просьба не опаздывать! И знаете что, — тихонько прошептал он на ухо Элли, он, кажется, испугался. Ведь он встречался с Летучими Обезьянами и знает, что это за звери.

Путешественники пропели бессонную ночь и утром в назначенное время собрались перед дверью тронного зала.

Дверь открылась, и они вступили в зал. Каждый ожидал встретить, Гудвина в том виде, как он принимал их в первый раз. Но они удивились, увидев, что в зале не было никого. Там царила торжественная и жуткая тишина, и путников охватил страх: что готовит им Гудвин? Они вздрогнули, как от внезапного удара грома; среди пустой комнаты заговорил Голос:

— Я — Гудвин, Великий и Ужасный! Зачем вы

беспокоите меня?

Элли и се друзья посмотрели вокруг — никого не было видно.

— Где вы? — дрожащим голосом спросила Элли.

— Я — везде! — торжественно отвечал Голос. — Я могу принимать любой образ, и меня не видят глаза простых смертных, когда я захочу. Подойдите к трону, я буду говорить с вами!

Путники сделали несколько шагов вперед. Все ужасно боялись, кроме Железного Дровосека и Тотошки. Железный Дровосек не имел сердца, а Тотошка ничего не понимал.



Тотошка не стерпела бросился за ней.

— Говорите! — послышался Голос.

— Великий Гудвин, мы пришли просить вас исполнить обещания!

— Какие обещания? — спросил Голос.

— Вы обещали отправить меня в Канзас, к дяде Джону и тетке Анне, когда злая волшебница бу-

дет уничтожена.

— А мне вы обещали дать мозги!

— А мне сердце!

— А мне смелость!

— Но разве Бастинда действительно уничтожена? — спросил Голос, и Элли показалось, что он задрожал.

— Да! — ответила девочка. — Я облила ее водой, и она растаяла.

— Доказательства, доказательства! — настойчиво сказал Голос.

— Хол-ло, хил-ло! — отвечал Страшила. — Разве вы, который везде, не видите у Элли на голове Золотой Шапки? Или вы хотите, чтобы мы для доказательства вызвали Летучих Обезьян, эп-пи, пэп-пи?

— О нет, нет! Я вам верю! — поспешно ответил Голос. — Как это неожиданно! Хорошо, приходите послезавтра, я подумаю о ваших просьбах!

— Было время думать, зуз-зи, зик! — заорал разъяренный Страшила. — Мы ждали приема целую неделю!

— Не хотим ждать ни одного дня! — энергично поддержал товарища Железный Дровосек, а Лев так рявкнул, что огромный зал наполнился гулом, в котором потонул чей-то испуганный возглас.

Когда смолкли отзвуки львиного рева, наступило молчание, и путникам стало неловко. Уж не разгневали ли они дерзкими словами волшебника и не готовит ли он наказание? Они подумывали о том, как скрыться из зала.

В это время по комнате пробежала большая зеленая крыса. Тотошка не стерпел и с лаем бросился за ней. Крыса метнулась в дальнюю часть комнаты, и Тотошка скрылся из глаз. Удивленной Элли показалось, что он проскочил через стену. Но тотчас же из стены — нет, из-за зеленой ширмочки, сливавшейся со стеной, — с криком выскочил маленький человечек:

— Уберите собаку! Она укусит меня! Кто разрешил приводить в мой дворец собак?

Путешественники с недоумением смотрели на человечка. Ростом он был не выше Элли, но уже стар, с большой головой и морщинистым лицом. На нем был пестрый жилет, полосатые брюки и длинный сюртук. Человечек со страхом отмахивался от Тотошки, который выскочил из-за ширмочки вслед за ним.

Железный Дровосек с топором на плече стремительно шагнул навстречу незнакомцу.

— Кто вы такой? — сурово спросил он.

— Я — Гудвин, Великий и Ужасный, — дрожа-

щим голосом ответил человечек. — Но, пожалуйста, пожалуйста, не убивайте меня! Я сделаю все, чего вы от меня хотите!

Путники переглядывались с необыкновенным удивлением и разочарованием.

— Но я думала, что Гудвин — это Живая Голова, — сказала Элли.

— А я думал, что Гудвин — красивая женщина, — сказал Страшила.

— А я думал, что Гудвин — страшный зверь, — сказал Дровосек.

— А я думал, что Гудвин — Огненный Шар, — сказал Лев.

— Все это верно, и все вы ошибаетесь! — мягко сказал человечек. — Это только маски!

— Как маски?! — вскричала Элли. — Разве вы не Великий Волшебник?

Тише, дитя мое! — сказал Гудвин. — Обо мне составилось мнение, что я Великий Волшебник.

— А на самом деле?

— На самом деле… увы, на самом деле я обыкновенный человек, дитя мое!

Слезы покатились из глаз Элли от разочарования и обиды.

Железный Дровосек тоже готов был зарыдать, но вовремя вспомнил, что при нем нет маслён-

ки.

Рассерженный Страшила вскричал:

— Я скажу, кто вы такой, если вы этого не знаете! Вы — обманщик!

— Совершенно верно! — отвечал человечек, ласково улыбаясь и потирая руки. — Я — Великий Обманщик!

— Но это ужасно! — сказал Железный Дровосек. — От кого же я получу сердце?

— А я мозги? — спросил Страшила.

— А я смелость? — спросил Лев.

— Друзья мои! — сказал Гудвин. — Не говорите о пустяках. Подумайте, какое ужасное существование я веду в этом дворце!

— Вы ведете ужасное существование? — удивилась Элли.

— Да, дитя мое! — вздохнул Гудвин. — Заметьте, что никто, никто в мире не знает, что я Великий Обманщик, и мне многие годы приходится хитрить, скрываться и всячески дурачить людей. А вы знаете, это не легкое занятие — морочить людей. И, к несчастью, это всегда раскрывается. Вот вы разоблачили меня, и, по правде сказать, — он вздохнул, — я рад этому! Конечно, я ошибся, впустив вас всех в тронный зал, да еще с проклятой собакой. Но я очень испугался Летучих Обезьян.

— Ничего не понимаю! — сказала Элли. — Как же я видела вас в виде Живой Головы?

— Это очень просто! — ответил Гудвин. — Идите за мной, и вы поймете.

Он провел их через потайную дверь в кладовую позади тронного зала. Там они увидели Живую Голову, красивую женщину, зверя, фантастических птиц и рыб. Все это было сделано из бумаги, картона, папье-маше и искусно раскрашено.

— Вот формы, которые может принимать Гудвин, Великий и Ужасный! — смеясь, сказал разоблаченный волшебник. — Как видите, выбор достаточно хорош и сделает честь любому цирку!

Лев подошел к Голове и с удовольствием ударил ее лапой. Голова покатилась по полу, кувыркаясь и свирепо вращая глазами. Испуганный, Лев отскочил.

— Самое трудное, — вздыхая, сказал Гудвин, — управлять глазами! Я тянул их из-за ширмы за ниточки, но глаза вечно смотрели не туда, куда нужно. Ты, может быть, заметила это, дитя мое?

— Меня это поразило, — ответила Элли, — но я была так напугана, что не понимала, в чем дело.

— Я на испуг-то и рассчитывал, — признался Гудвин. — Если мои превращения не всегда бывали

удачны, все же страх покрывал их недостатки.

— А Огненный Шар? — вскричал Лев.

— Ну, вас я боялся больше всех, а потому сделал шар из паты, пропитал спиртом и зажег. Недурно горело?

Леи с презрением отвернулся от Обманщика.

— Как вам не стыдно морочить людей? — спросил Страшила.

— Сначала было стыдно, а потом привык, — ответил Гудвин. — Идемте в тронный зал, я расскажу вам свою историю.

История Гудвина

Гудвин усадил гостей в мягкие кресла и начал:

— Зовут меня Джемс Гудвин. Родился я в Канзасе…

— Как? — удивилась Элли. — И вы из Канзаса?

Да, дитя мое! — вздохнул Гудвин. — Мы земляки с тобой. Я покинул Канзас много-много лет назад. Твое появление растрогало и взволновало меня, но я боялся быть разоблаченным и послал тебя к Бастинде. — Он со стыдом опустил голову. — Впрочем, я надеялся, что серебряные башмачки защитят тебя, и, как видишь, не ошибся… Но вернемся к моей истории. В молодости я был актером, играл царей и героев. Убедившись, что это занятие дает мало заработка, я стал баллонистом…

— Кем? — переспросила Элли.

— Бал-ло-ни-стом. Я поднимался на баллоне, то есть на шаре, наполненном водородом. Я это делал для потехи толпы, разъезжая по ярмаркам. Свой баллон я всегда привязывал веревкой. Однажды веревка оборвалась, мой баллон подхватило ураганом, и он помчался неведомо куда. Я летел

целые сутки и опустился в удивительной стране, которую теперь называют страной Гудвина. Отовсюду сбежался народ и, видя, что я спускаюсь с неба, принял меня за Великого Волшебника. Я не разубеждал этих легковерных людей. Наоборот, я вспомнил роли царей и героев и сыграл роль волшебника довольно хорошо для первого раза (впрочем, там не было критиков!). Я объявил себя правителем страны, и жители подчинились мне с удовольствием. Они ожидали моей защиты от злых волшебниц, посещавших страну. Первым моим делом была постройка Изумрудного города.

— Где вы достали столько зеленого мрамора? — спросила Элли.

— И изумрудов? — добавил Страшила.

— И столько всевозможных зеленых вещей? — спросил Железный Дровосек.



Он провел их в кладовую.

— Терпение, друзья мои! Вы скоро узнаете все мои тайны! — сказал Гудвин улыбаясь. — В моем городе не больше зеленого, чем во всяком другом. Тут все дело, — он таинственно понизил голос, — все дело в зеленых очках, которых никогда не снимают мои подданные.

— Как? — вскричала Элли. — Значит, мрамор домов и мостовых...

— Белый, дитя мое!

— А изумруд? — спросил Страшила.

— Простое стекло, но лучшего сорта! — гордо добавил Гудвин. Я не жалел расходов. И потом, изумруды на башнях города — настоящие. Ведь их видно издалека.

Элли и ее друзья удивлялись все больше и больше. Теперь девочка поняла, почему ее платье и ленточка на шее Тотошки стали белыми, когда они покинули Изумрудный город.

А Гудвин спокойно продолжал:

— Постройка Изумрудного города продолжалась несколько лет. Когда она окончилась, мы имели защиту от злых волшебниц. Я был в то время еще молод. Мне пришло в голову, что если я буду близок к народу, то во мне разгадают обыкновенного человека. А тогда кончится моя власть. И я закрылся в тронном зале и прилегающих к нему комнатах. Я прекратил сношения со всем миром, не исключая и моих прислужников. Я завел принадлежности, которые вы видели, и начал творить чудеса. Я присвоил себе титулы: Великий и Ужасный. Через несколько лет народ забыл мой настоящий облик, и по стране

пошли обо мне всевозможные слухи. А я этого и добивался и старался поддерживать свою славу великого чародея. Вообще мне это удавалось, но бывали и промахи. Крупной неудачей был поход против Бастинды. Летучие Обезьяны разбили мое войско; к счастью, я успел убежать и избавился от плена. С тех пор я страшно боялся волшебниц. Достаточно было им узнать, кто я на самом деле, и мне пришел бы конец — ведь я-то не волшебник! И как я обрадовался, когда узнал, что домик Элли раздавил Гингему! Я решил, что хорошо бы отделаться и от второй злой волшебницы. Вот почему я так настойчиво посылал вас против Бастинды. Но теперь, когда Элли растопила ее, мне совестно признаться, что я не могу выполнить своих обещании! — со вздохом кончил Гудвин.

— По-моему, вы плохой человек, — сказала Элли.

— О нет, дитя мое! Я не плохой человек, но очень плохой волшебник!

— Значит, я не получу от вас мозгов? — со стоном спросил Страшила.

— Зачем вам мозги? Судя по всему, что я о вас знаю, у вас соображение не хуже, чем у любого человека с мозгами, — польстил Гудвин Страшиле.

— Может быть, и так, — сказал Страшила, — а

все-таки без мозгов я буду несчастен.

Гудвин внимательно посмотрел на него.

— А вы знаете, что такое мозги?

— Нет! — признался Страшила. — Понятия не имею, как они выглядят.

— Хорошо! Приходите ко мне завтра, и я наполню вашу голову первосортными мозгами. Но вы сами должны научиться употреблять их.

— О, я научусь! — радостно вскричал Страшила. — Даю вам слово, что научусь! Эй, гей-гей-го! У меня скоро будут мозги! — приплясывая, запел счастливый Страшила.

Гудвин с улыбкой смотрел на него.

— А как насчет смелости? — робко заикнулся Лев.

— Вы смелый зверь! — ответил Гудвин. — Вам недостает только веры в себя. И потом, всякое живое существо боится опасности, и смелость в том, чтобы победить боязнь. Вы свою боязнь побеждать умеете.

— А вы дайте мне такую смелость, — упрямо перебил Лев, — чтобы я ничего не боялся.

— Хорошо, — с лукавой улыбкой сказал Гудвин. — Приходите завтра, и вы ее получите.

— А она у вас кипит в горшке под золотой крышкой? — осведомился Страшила.

— Почти что так! — удивился Гудвин. — Кто вам сказал?

— Фермер по дороге в Изумрудный город.

Он хорошо осведомлен о моих делах, — коротко заметил Гудвин.

— А мне вы дадите сердце? — спросил Железный Дровосек.

Сердце делает многих людей несчастными, — сказал Гудвин. — Не очень большое преимущество — иметь сердце.

— Об этом можно спорить, — решительно возразил Железный Дровосек. — Я все несчастья перенесу безропотно, если у пеня будет сердце.

Хорошо. Завтра у вас будет сердце. Все-таки я столько лет был волшебником, что трудно было ничему не научиться.

— А как с возвращением в Канзас? — спросила Элли, и сердце ее сильно забилось.

— Ах, дитя мое! Это трудная задача. Но дай мне два или три дня сроку, и, может быть, я сумею переправить тебя через пустыню… Идите, друзья мои, и чувствуйте себя в моем дворце, как дома. Надеюсь, мы будем видеться с вами каждый день. Но никому-никому-никому не открывайте, что я Обманщик!

Друзья, довольные, покинули тронный зал

Гудвина, и даже у Элли появилась надежда, что Великий и Ужасный Обманщик вернет ее в Канзас.

Чудесное искусство Великого Обманщика

Утром Страшила весело пошел к Гудвину получать мозги.

— Друзья мои! — вскричал он. — Когда я вернусь, я буду точь-в-точь, как все люди!

— Я люблю тебя и таким, — просто сказала девочка.

— Это очень хорошо. Но посмотри, каков я буду, когда великие мысли закопошатся в моем новом мозгу!

Волшебник встретил Страшилу приветливо.

— Вы не рассердитесь, мой друг, если я сниму с вас голову? — спросил он. — Мне надо набить ее мозгами.

— О, пожалуйста, не стесняйтесь! — весело ответил Страшила. — Снимите ее и держите у себя, сколько хотите. Я не почувствую себя хуже.

Гудвин снял голову Страшилы, вытряс из нее солому и плотно набил верхнюю часть отрубями, смешанными с иголками и булавками. Остальное пространство он наполнил соломой. Затем поставил голову на место и поздравил Страшилу:

— Теперь вы умный человек, у нас новые мозги самого лучшего сорта.

Страшила горячо поблагодарил Гудвина и поспешил к друзьям. Элли смотрела на него с любопытством. Голова Страшилы раздулась; из нее торчали иголки и булавки.



Гудвин снял голову Страшилы и вытряс из нее солому.

— Как ты себя чувствуешь? — заботливо спросила Элли.

— Я начинаю чувствовать себя мудрым, — гордо ответил Страшила. — Только бы мне научиться пользоваться моими новыми мозгами, и я буду

знаменитым человеком!

— А почему из твоих мозгов торчат иголки? — спросил Железный Дровосек.

— Это — доказательство остроты его ума, — догадался Трусливый Лев.

Видя Страшилу таким довольным, Железный Дровосек с большими надеждами отправился к Гудвину.

— Мне придется прорезать у вас дыру в груди, чтобы вставить сердце, — предупредил Гудвин.

— Я в вашем распоряжении, — ответил Железный Дровосек. — Режьте, где угодно.

Гудвин пробил в груди Дровосека квадратное отверстие и показал ему красивое шелковое сердце, набитое опилками.

— Нравится оно вам?

— Оно прелестно! Но доброе ли оно и сможет ли любить?

— О, не беспокойтесь! — ответил Гудвин. — С этим сердцем вы будете добрейшим человеком на земле!

Сердце было подвешено, дыра запаяна, и Железный Дровосек, ликуя, поспешил к друзьям.

В тронный зал вошел Лев.

— Я пришел за смелостью, — робко сказал он, переминаясь с лапы на лапу.

— Одну минуточку! — сказал Гудвин. Он достал из шкафа бутылку и вылил содержимое в золотое блюдо. — Вы должны это выпить!

Запах не особенно понравился Льву.

— Что это? — недоверчиво спросил он.

— Это — смелость. Она всегда бывает внутри, и вам необходимо проглотить ее.

Лев сделал гримасу, но выпил жидкость и даже вылизал тарелку.

— О, я уже становлюсь смелым! Храбрость заструилась по моим жилам и переполняет сердце! — заревел он в восторге. — Спасибо, о, спасибо, Великий Волшебник! — И Лев помчался к друзьям.

Для Элли потянулись дни тоскливого ожидания. Видя, что желания друзей исполнились, она горячее, чем прежде, стремилась в Канзас. Маленькая компания целыми днями вела разговоры.

Страшила уверял, что у него в голове бродят замечательные мысли; к сожалению, он не может открыть их, так как они понятны только ему одному.

Железный Дровосек рассказывал, как сердце бьется у него в груди при ходьбе. Он был совершенно счастлив и находил, что новое сердце

гораздо нежнее того, что было у него прежде.

А. Лев гордо заявлял, что он готов сразиться с десятью тигромедведями, — так много у него смелости! Железный Дровосек даже опасался, не слишком ли большую порцию смелости поднес Льву волшебник и не сделал ли он Льва безрассудным, а безрассудство ведет к гибели.

Одна Элли молчала и печально вспоминала о Канзасе.

Наконец Гудвин призвал ее.

— Ну, дитя мое, кажется, я додумался, как нам вернуться в Канзас.

— И вы отправляетесь со мной? — изумилась Элли.

— Конечно, — ответил бывший волшебник. — Мне, признаться, надоело уединение и вечный страх быть разоблаченным. Лучше я вернусь в Америку и поступлю в цирк.

— О, как я рада! — вскричала Элли и захлопала в ладоши. — Когда же в путь?

— Не так скоро, дитя мое! Я убедился, что великую пустыню можно пересечь лишь по воздуху. Ведь и я на баллоне и ты в домике — мы принесены сюда ураганом. Мои баллон цел — я хранил его все эти годы. На него лишь кое-где придется наложить заплатки. Водород добыть я сумею.

Работа по подготовке к пуску баллона продолжалась несколько дней. Элли предупредила друзей о скорой разлуке, и все трое — Страшила, Дровосек я Лев — страшно опечалились.

Пришел назначенный день. Гудвин объявил по городу, что отправляется навестить старого друга — Великого Волшебника Солнце, с которым не видался много лет. Дворцовая площадь наполнилась народом. Гудвин пустил в ход водородный аппарат, и шар стал быстро надуваться. Когда баллон наполнился, к ужасу и восторгу толпы. Гудвин влез в корзину и обратился к народу:

— До свиданья, друзья мои!

Раздались крики «ура», и вверх полетели зеленые шапки.

Мы много лет жили в мире и согласии, и мне больно расставаться с вами… — Гудвин вытер слезу, и в толпе послышались вздохи. — Но мой друг Солнце настоятельно требует меня, и я повинуюсь: ведь Солнце более могущественный волшебник, чем я! Вспоминайте обо мне, но не слишком грустите грусть вредит пищеварению! Соблюдайте мои законы! Не снимайте очков — это принесет вам великие бедствия. Вместо себя я назначаю правителем Изумрудного города достопочтенного господина Страшилу Мудрого!



— Прощай, дитя мое! — слабо донесся голос Гудвина.

Изумленный Страшила вышел вперед, опираясь на трость, и раскланялся. Толпа восторженно приветствовала его. Народ тут же поклялся в верности новому правителю.

Гудвин позвал Элли, нежно прощавшуюся с

друзьями:

— Скорей в корзину! Баллон готов!

Элли в последний раз поцеловала в морду большого грозного Льва. Лев был растроган; из глаз его капали крупные слезы, и он забывал вытирать их кончиком хвоста. И вдруг Элли потеряла Тотошку. Песик погнался за зеленым котенком и исчез в толпе.

— Скорей! Скорей! — кричал встревоженный волшебник.

Но Элли не хотела оставить любимца в чужой стране. Наконец она нашла его и побежала к Гудвину, но — трах! — веревки лопнули, и баллон взвился вверх.

— Вернитесь! Вернитесь! — в отчаянии ломала руки Элли. — Возьмите меня в Канзас!

Но — увы! — баллон не мог спуститься: в нем не было клапана для выпуска газа.

— Прощай, дитя мое! — слабо донесся голос Гудвина, и баллон быстро поднялся.

Жители Изумрудного города долго смотрели ему вслед и, когда он скрылся из глаз, разошлись по домам.

Назавтра было полное солнечное затмение. Граждане Изумрудного города решили, что это Гудвин затемнил Солнце, спускаясь на него.

По всей стране разнеслась молва, что бывший правитель Изумрудного города живет на Солнце. Народ долго помнил о Гудвине, но не слишком горевал о нем: у них был новый правитель — Страшила Мудрый, настолько умный, что ум не помещался у него в голове и выпирал наружу в виде иголок и булавок.

Жители Изумрудного города страшно возгордились:

— Нет в мире другого города, правитель которого был бы набит соломой!

Бедная Элли осталась в стране Гудвина. Рыдая, вернулась она во дворец. Ей казалось, что у нее уже нет надежды вернуться в родной Канзас.

Снова в путь!

Элли плакала, закрыв лицо руками. В комнате послышались тяжелые шаги Железного Дровосека.

— Я побеспокоил тебя, — смущенно сказал Дровосек. — Мне хочется поплакать о Гудвине, а некому вытирать мои слезы: Лев сам расстроен, а Страшила — правитель, и неудобно беспокоить его по пустякам.

Элли встала и, пока Дровосек плакал, старательно вытирала слезы полотенцем. Когда же он кончил, то очень тщательно смазался из драгоценной маслёнки, поднесенном ему Мигунами.

Утром компания собралась в тронном зале поговорить о будущем. Новый правитель Изумрудного города важно сидел на раззолоченном троне; остальные почтительно стояли перед ним.

Мы заживем припеваючи, — заявил новый правитель. — Нам принадлежит дворец и весь Изумрудный город. Как подумаю, что еще недавно я пугал ворон в поле, а теперь — правитель Изумрудного города, то, скажу по совести, мне

нечего жаловаться на судьбу.

— И я доволен! — сказал Железный Дровосек. — Я получил сердце, а это была моя мечта.

— Обо мне нечего и говорить! — молвил Лев. — Я теперь храбрее всех зверей на свете. Хотелось бы мне, чтобы на дворец напали людоеды или тигромедведи, — я бы с ними расправился!

— Если бы Элли осталась во дворце, — продолжал Страшила, — мы жили бы счастливо!

— Это невозможно, — возразила девочка. — Мне надо вернуться в Канзас, к дяде Джону и тетке Анне.

— Как же это сделать? — спросил Железный Дровосек. — Страшила, милый друг, ты умнее нас всех, пожалуйста, думай!

Страшила стал думать так усердно, что иголки и булавки полезли из его головы.

— Надо вызвать Летучих Обезьян! — сказал он. — Пусть они перенесут тебя через пустыню.

— Браво, браво! — закричала Элли. — Я совсем о них позабыла.

Она принесла Золотую Шапку и сказала волшебные слова. Через открытые окна в залу ворвалась стан Летучих Обезьян. — Что угодно владетельнице Золотой Шапки? — спросил предводитель.

— Перенесите меня через пустыню и доставьте в Канзас, к дяде Джону и тетке Анне.

Предводитель покачал головой.

— Канзас — за пределами страны Гудвина. Мы не можем лететь туда. Мне очень жаль, но ты истратила второе волшебство Шапки напрасно.

Он раскланялся, и стая с шумом унеслась.

Элли сильно огорчилась. Страшила долго думал, и голова его раздулась от напряжения. Элли даже испугалась за него.

— Позвать солдата! — приказал Страшила.

Солдат со страхом вошел в тронный зал, в котором никогда не бывал при Гудвине. У него спросили совета.

— Никто, кроме Гудвина, не переходил пустыню, — сказал солдат. — Но, я думаю, Элли поможет добрая южная волшебница Стелла. Она могущественнее всех волшебниц нашей страны: она знает секрет вечной юности. Хотя дорога в ее страну трудна, все же я советую обратиться к Стелле.

Солдат почтительно поклонился правителю и вышел.

— Элли придется отправиться в страну Юга. Ведь если Элли останется здесь, во дворце, то она никогда не попадет в Канзас. Изумрудный

город — это не Канзас, и Канзас — не Изумрудный город, — изрек Страшила.

Остальные молчали, подавленные мудростью его слов.

— Я пойду с Элли, — внезапно сказал Лев. — Мне надоел город. Я дикий зверь и соскучился по лесам. Да и надо защищать Элли во время путешествия.

— Правильно! — вскричал Железный Дровосек. — Пойду точить топор — он, кажется, затупился.

Элли радостно бросилась к Железному Дровосеку.

Мы выступаем завтра утром! — сказал Страшила.

— Как? И ты идешь? — закричали все в изумлении. — В Изумрудный город?

— Город подождет моего возвращения! Без Элли я сидел бы на колу и пшеничном поле и пугал ворон. Без Элли я не получил бы своих замечательных мозгов. Без Элли я не стал бы правителем Изумрудного города. И если после всего этого я покинул бы Элли в беде, то вы, друзья мои, могли бы назвать Страшилу неблагодарным и были бы правы!

Новые мозги сделали Страшилу красноречи-

вым.

Элли от всей души благодарила друзей.

— Завтра, завтра в поход! — весело закричала она.

— Эй, гей-гей-го! Завтра, завтра в поход! — запел Страшила и, боязливо оглянувшись, зажал себе рот: он был правителем Изумрудного города, и ронять свое достоинство ему не следовало!

Рано утром солдат проводил путников до городской стены. Страж Ворот удивился, что они снова пускаются в дальнее и опасное путешествие.

— Вы — наш правитель, — сказал он Страшиле, — и должны вернуться как можно скорее.

— Мне нужно отправить Элли в Канзас, — важно ответил Страшила. — Передайте моим подданным привет, и пусть они не беспокоятся обо мне: меня нельзя ранить, я вернусь невредимым. Заменять меня будет солдат.

Элли дружески простилась со Стражем Ворот и путешественники двинулись на юг. Погода была прекрасная, кругом расстилалась восхитительная страна, все были в отличном настроении.

Элли верила, что Стелла вернет ее в Канзас; Страшила и Железный Дровосек радовались, что помогают девочке; Лев наслаждался сознанием своей смелости, мечтал встретиться со зверями и

доказать им, что он — их царь.

Отойдя на далекое расстояние, путники оглянулись в последним раз на башни Изумрудного города.

А ведь Гудвин был не таким уж плохим волшебником, — сказал Железный Дровосек.

Еще бы! отвечал Страшила. — Сумел же он дать мне мозги! Да еще какие острые мозги!

— Гудвину выпить бы немножко смелости, приготовленной им для меня, и он стал бы человеком хоть куда! — сказал Лев.

Элли молчала. Гудвин не выполнил обещания вернуть ее в Канзас, но девочка не винила его. Он сделал все, что мог, и не его вина, что замысел не удался. Ведь, как признавался и сам Гудвин, он вовсе не был волшебником.

Наводнение

Несколько дней путники шли прямо на юг. Фермы попадались все реже и наконец исчезли. Вокруг, насколько глаз хватал, тянулись сухие степи. Даже дичи не было в этих пустынных местах, и Льву приходилось долго рыскать по ночам в поисках добычи. Тотошка не мог сопровождать Льва в его продолжительных прогулках, но тот, возвращаясь, всегда приносил приятелю кусок мяса в зубах.

Путники не смущались трудностями и шли вперед да вперед.

Однажды в полдень их остановила широкая река с низкими берегами, покрытыми ивами. Все озадаченно посмотрели друг на друга.

— Будем делать плот? — спросил Железный Дровосек.

Страшила скорчил отчаянную гримасу: он не позабыл приключения с шестом по дороге в Изумрудный город.

— Уж лучше бы нас перенесли Летучие Обезьяны, — пробурчал он. — Если я опять застряну посреди реки, то спасать меня некому — здесь

аистов нет.

Но Элли не согласилась. Она не хотела тратить последнее волшебство Золотой Шапки, когда неизвестно, какие трудности еще встретятся на пути и как их примет Стелла.

Железный Дровосек сделал к вечеру плот, и компания поплыла через реку. Страшила действовал шестом осторожно, держась подальше от борта. Зато Железный Дровосек работал изо всех сил. Река оказалась мелководной и тихой; путники благополучно переплыли ее и вышли на плоский, унылый берег.

— Какое скучное место! — заявил Лев, сморщив нос.

— И переночевать-то негде, — молвила Элли. — Идемте вперед.

Не прошли путники и тысячи шагов, как перед ними снова блеснула река. Они были на острове.

— Скверное дело! — сказал Страшила. — Очень скверное дело! Нам отсюда не выбраться: плота через остров не перетащить, а новый сделать нельзя — здесь ни прутика нет! Придется вызвать Летучих Обезьян, эп-пи, пэп-пи!

Но девочка, в смутной надежде, что утром положение как-то улучшится, решила ночевать на острове. Собрали сухой травы и устроили ей

сносную постель. Поужинав, девочка легла спать под надежной охраной друзей. Льву приходилось провести ночь с пустым желудком, но он смирился с этим и заснул.

Страшила и Железный Дровосек стояли около спящих и смотрели на другой берег реки. Хотя один имел теперь мозги, а другой сердце, все же они никогда не уставали и не спали.

Ночь проходила спокойно. Но на горизонте блеснула зарница, за ней другая, третья. Железный Дровосек озабоченно покачал головой: в стране Гудвина грозы случались редко, зато достигали неимоверной силы. Грома еще не было слышно. Восточный край неба быстро темнел: там громоздились клубы туч, все чаще озаряемых молниями. Страшила глядел на небо в недоумении.

— Что там такое? — бормотал он. — Не Гудвин ли зажигает спички?

Страшила за свою недолгую жизнь еще не видел грозы.

— Будет страшный дождь! — сказал Железный Дровосек.

— Дождь! А что это такое? — в беспокойстве спросил Страшила.

— Вода, падающая с неба. Дождь вреден нам

обоим: с тебя смоет краску, а я заржавею.

— Ай-яй-яй-яй! — замотал головой Страшила. — Давай разбудим Элли.

— Подождем немного, — сказал Железный Дровосек. — Мне не хочется ее беспокоить — она устала сегодня. А гроза, может быть, пройдет стороной.

Но гроза приближалась. Скоро тучи закрыли полнеба, заблистали молнии, и раскаты грома явственно донеслись до слуха дозорных.

— Что это там шумит? — в испуге спрашивал Страшила.

Но Железному Дровосеку некогда было объяснять.

— Плохо дело! — крикнул он и разбудил Элли.

— Что такое? Что случилось? — пролепетала девочка.

— Приближается страшная гроза! — закричал Железный Дровосек.

Лев тоже проснулся. Он сразу понял опасность.

— Скорее вызывай Летучих Обезьян, иначе мы погибли! — заревел он во все горло.

Испуганная Элли, нетвердо держась на ногах, начала говорить волшебные слова.

— Хил-ло, хол-ло… — торопливо выкрикивала девочка.

— Хел-лоу!.. — яростно взвизгнул налетевший вихрь и сорвал Золотую Шапку с головы Элли.

Шапка взлетела, белой звездочкой блеснула во мраке и исчезла. Элли зарыдала, но громовый раскат, раздавшийся над головами путников, заглушил ее рыдания.

— Не плачь, Элли! — заревел ей в ухо Лев. — Помни, что я теперь храбрее всех зверей на свете!

— Помни, что у меня чудесные мозги, наполненные необычайными мыслями! — добавил Страшила.

— Помни о моем сердце, которое не стерпит, чтобы тебя обидели! — вскричал Железный Дровосек.

Три друга встали вокруг Элли, мужественно готовясь встретить натиск бури.

И буря грянула! Налетел ветер. Косой дождь больно хлестал Льва и Элли крупными каплями. Лев встал спиной к ветру, расставил лапы, выгнул спину. Под ним оказался уютный шалаш, куда забрались Элли и Тотошка, спасаясь от ливня.

Железный Дровосек взялся за маслёнку, но махнул рукой: спастись от ржавчины при таком ливне можно было только в бочке с маслом.

Страшила, насквозь промоченный дождем,

сразу отяжелевшим, имел самый жалкий вид. Своими мягкими, непослушными руками он защищал от дождя краску на лице.

— Так вот что такое дождь! — бормотал Страшила. — Когда порядочные люди хотят купаться, они лезут в воду и вовсе не нуждаются в том, чтобы кто-то невидимый поливал их сверху. Как только вернусь в Изумрудный город, объявлю закон, запрещающий дожди!



Лев стал спиной к ветру.

Гроза не переставала до утра. При первых лучах солнца путники с ужасом увидели, как косматые волны вздувшейся реки заливают остров.

— Мы утонем! — закричал Страшила, прикрывая рукой полусмытые глаза.

— Держитесь крепче! — ответил Железный

Дровосек, покрывая шум бури и плеск волн. — Держитесь за меня!

Он расставил ноги, врыв их в песчаную почву, и крепко оперся о топор. В таком положении он был непоколебим, как скала. Страшила, Элли, Лев вцепились в Железного Дровосека и застыли в ожидании.

И вот, крутясь, налетел первый вал и покрыл путников с головой. Когда он схлынул, среди воды стоял Дровосек, а остальные путники цеплялись за него с мужеством отчаяния. Железный Дровосек заржавел, и теперь никакая буря не сдвинула бы его с места. Но остальным приходилось плохо. Легкий Страшила весь был на поверхности воды, и волны бросали его во все стороны. Лев стоял на задних лапах, отплевываясь от воды. Элли барахталась в воде, охваченная ужасом.

Лев увидел, что девочка тонет.

— Садись на меня, — пропыхтел он. — Поплывем к берегу!

И он опустился перед Элли на все четыре лапы. Собрав последние силы, девочка вскарабкалась на спину Льва и судорожно вцепилась в мокрую косматую гриву. Тотошку она, к счастью, догадалась еще раньше крепко завязать в передник.

— Прощайте, друзья! — проревел Лев и, от-

толкнувшись от Железного Дровосека, заработал лапами, смело рассекая волны.

— …щай!.. — слабо донесся отклик Страшилы, и Железный Дровосек исчез во мгле.

Лев плыл долго и упорно. Силы покидали его, но смелость играла в его сердце, и, гордый собой, он испустил грозный рев среди разыгравшихся стихий. Этим торжествующим ревом Лев хотел показать, что он готов погибнуть, но ни одна капля трусости не закрадется в его смелое сердце.

Но что за чудо?

Из влажной мглы послышался ответный рев льва.

— Там земля! Туда! Туда!

С удесятеренной силой Лев бросился вперед, и перед ним зачернел неведомый высокий берег. Ему отвечал не лев, а эхо!

Лев выбрался на берег, спустил окоченевшую Элли, обнял ее передними лапами и стал согревать своим теплым дыханием.

В поисках друзей

Страшила держался за Железного Дровосека, пока намокшие руки еще служили ему. Потом волны оторвали его от Дровосека и повлекли, качая, как труп. Умная голова Страшилы с драгоценными мозгами оказалась тяжелее туловища: мудрый правитель Изумрудного города плыл вниз головой, и вода смывала последнюю краску с его глаз, носа, рта и ушей.

Железный Дровосек еще виднелся среди волн, но поднимающаяся река заливала его. Вот лишь воронка осталась над водой, потом скрылась и она. И неустрашимый, добродушный Железный Дровосек весь исчез в разбушевавшейся реке.

Три дня ожидали на берегу спада реки Элли, Лев и Тотошка. Погода была прекрасная, солнце ярко светило, и вода убывала быстро. На четвертый день Лев поплыл к острову. Элли сидела на его спине с Тотошкой в руках.

Выйдя на остров, Элли убедилась, что река покрыла его илом и тиной… Лев и девочка пошли в разные стороны наудачу. И скоро среди холмика тинистых водорослей перед Элли блеснуло что-то

желтое. Девочка бросилась вперед и увидела золотое топорище Железного Дровосека. Лев примчался на зов Элли огромными прыжками и разбросал засохшую грязь и тину.

Непобедимый Железный Дровосек стоял в той же позе, в которой остался посреди волн. Элли пучком травы и передником тщательно оттерла заржавевшие члены Дровосека, отвязала от его пояса маслёнку и смазала ему челюсти.

— Спасибо, милая Элли, — были первые его слова, — ты снова возвращаешь меня к жизни! Здравствуй, Лев, старым дружище! Как я рад тебя видеть!

Лев отвернулся: он плакал от радости и спешил вытереть слезы кончиком хвоста.

Скоро все члены Железного Дровосека пришли в действие, и он весело зашагал рядом с Элли, Тотошкой и Львом. Они искали плот. По дороге Тотошка бросился к кучке водорослей и начал с лаем разрывать ее.

— Водяная крыса? — спросила Элли.

Но показалось что-то светлое, и, к великой радости Элли, под водорослями оказалась Золотая Шапка. Девочка нежно обняла песика и поцеловала его в морду, измазанную тиной, а Шапку спрятала в корзинку.

Путники нашли плот: Железный Дровосек предполагал воспользоваться им на обратном пути в Изумрудный город и крепко привязал его к шестам, вбитым в землю. Они поплыли вниз по реке, огибая остров, на котором потерпели бедствие. Миновав длинную песчаную косу, путешественники попали в главное русло реки. На правом берегу виднелся кустарник. Элли попросила Железного Дровосека править туда и, к великому своему восторгу, увидела на кусте шляпу Страшилы.

— Ура! — закричали все трое, а Тотошка залаял.

Скоро нашли и самого Страшилу, висевшего среди кустов в причудливой позе. Он был мокрый и растрепанный и не отвечал на вопросы товарищей: вода начисто смыла у него рот, нос, глаза и уши.

Друзья вытащили Страшилу на песчаный берег, вытрясли солому и разостлали на солнышке, развесили сушиться костюм. Голова сушилась вместе с отрубями: вытряхивать драгоценные мозги девочка побоялась. Когда солома высохла. Страшилу набили, голову поставили на место, и Элли вытащила из-за пояса краски и кисть в непромокаемой жестяной коробочке, которыми

она запаслась в Изумрудном, городе.

Элли прежде всего нарисовала Страшиле правый глаз, и этот правый глаз дружески и очень нежно подмигнул ей. Потом появился второй глаз, за ним уши и нос, и Элли еще не закончила рот, как веселый Страшила уже пел, мешая девочке рисовать:

— Эй, гей-гей-го! Элли опять спасла меня! Эй гей-геи-го! Я снова, снова, снова с Элли!

Он пел и приплясывал и не боялся, что его увидит кто-нибудь из подданных: ведь это была совершенно пустынная страна.

Лев становится царем зверей

Отдохнув после пережитых бедствий, путешественники отправились дальше. За рекой местность стала веселее. Появились рощи и зеленые лужайки. Через два дня путники вошли в огромный лес.

— Какой очаровательный лес! — восхитился Лев. — Я не видал еще таких прелестных дремучих лесов. Мой родной лес куда хуже.

— Уж очень здесь мрачно, — заметил Страшила.

Ни чуточки! — ответил Лев. — Смотрите, какой мягкий ковер из сухих листьев под ногами! И какой густой и зеленый мох свешивается с деревьев! Я хотел бы остаться здесь навсегда!

В этом лесу, наверное, есть дикие звери, — сказала Элли.

— Странно, если бы такое прекрасное место не было населено, — ответил Лев.

Путники шли долго и услышали глухой рев множества зверей. Элли испугалась, но Лев успокоил ее:

— Под моей охраной ты в безопасности. Разве

ты позабыла, что я царь зверей?

Они вышли по утоптанной тропинке на поляну, где собрались сотни зверей. Тут были слоны, медведи, тигры, волки, лисицы и множество других животных.

Ближайшие звери с любопытством уставились на Льва; по всей поляне разнесся слух о его прибытии.

Шум и рев замолкли. Большой тигр выступил вперед и низко поклонился Льву.

— Приветствуем тебя, царь зверей! Ты пришел вовремя, чтобы уничтожить нашего врага и принести мир животным этого леса.

— Кто ваш враг? — спокойно спросил Лев.

— В нашем лесу появился страшный зверь. С виду он походит на паука, но вдвое больше слона. Когда он идет через лес, за ним остается широкий след от поваленных деревьев. И кто бы ему ни попался, он хватает передними лапами, тащит ко рту и высасывает кровь. Мы собрались обсудить, как нам избавиться от него.

Лев подумал.

— Есть львы в этом лесу?

— Были, но Паук их съел, — ответил Тигр.

— Если я уничтожу вашего врага, признаете ли вы меня своим царем и будете ли мне подчинять-

ся? — спросил Лев.

— С удовольствием! — ответил Тигр.

— О, с удовольствием, с великим удовольствием! — дружно заревело звериное сборище.

— Я иду на бой! — отважно заявил Лев. — Охраняйте моих друзей, пока я не вернусь. Где враг?

— Вон там, — показал Тигр. — Иди по тропинке, пока не дойдешь до больших дубов. Он переваривает пойманного утром быка.

Лев дошел до логовища Паука, окруженного поваленными деревьями. Паук был противнее двенадцатиногого зверя, сделанного Гудвином, и Лев рассматривал врага с отвращением. К огромному туловищу Паука прикреплялись мощные лапы со страшными когтями. Зверь был очень силен на вид, но голова его сидела на тонкой, слабой шее.

«Вот самое удобное место для нападения», подумал Лев. Он решил напасть на спящего Паука немедленно.

Изловчившись, Лев вскочил на спину зверя. Прежде чем Паук опомнился от сна, Лев ударом когтистой лапы перервал его тонкую шею и быстро спрыгнул. Голова Паука покатилась прочь, а туловище зацарапало когтями землю и вскоре затихло.



Лев ударом лапы перервал его тонкую шею.

Лев отправился обратно. Придя на поляну, где звери с нетерпением ожидали его возвращения, он гордо заявил:

— Отныне вы можете жить спокойно: враг убит! Восторженный рев звериного стада был ему ответом.

Звери торжественно поклялись в верности Льву, а он сказал:

— Я вернусь, как только отправлю Элли в Канзас, и буду править вами мудро и милостиво.

Стелла

Остальной путь через лес прошел без приключений. Когда путешественники вышли из лесу, перед ними открылась крутая скалистая гора. Обойти ее было нельзя — с обеих сторон дороги были глубокие овраги.

— Трудненько карабкаться на эту гору, — сказал Страшила. — Но гора — ведь это не ровное место, и, раз она стоит перед нами, значит, надо через нее перелезть.

И, он пошел вперед, а остальные за ним. Они поднялись довольно высоко, как вдруг грубый голос крикнул из-за скалы:

— Назад!

— Кто там? — спросил Страшила.

Из-за скалы показалась чья-то странная голова.

— Эта гора наша, и никому не позволено переходить ее.

— Но нам же нужно перейти, — вежливо ответил Страшила. — Мы идем в страну Стеллы, а другого пути здесь нет.

— Идете, да не пройдете!

На скалу с хохотом выскочил удивительный человек. Был он короток и толст, и большая голова его с плоской макушкой сидела на короткой и толстой морщинистой шее. Но у него совсем не было рук. Видя это, Страшила ободрился и сказал:

— Очень жаль, что вы так несговорчивы, но как вы помешаете нам пройти, Безрукий Коротыш? Вы знаете, ведь для драки человеку даны руки, а у вас их нет, значит, вам и драться нечем!

И он смело полез кверху.

Но шея странного человека растянулась, как резиновый шнур, голова вылетела вперед и с необыкновенной силой ударила Страшилу в грудь. Страшила, кувыркаясь, полетел к подножию горы, а Коротыш захохотал и крикнул:

— Тра-ля-ля! Вы видите теперь, как это делается!

И, точно по сигналу, из-за скал и кочек выскочили сотни Безруких Коротышей.

— Тра-ля-ля! Тра-ля-ля! Попробуйте пройти! — грянул разноголосый хор.

Лев рассвирепел и стремительно бросился в гору, грозно рыча и хлеща себя хвостом по бокам. Но два или три Безруких Коротыша так ударили его своими плоскими головами, что Лев пока-

тился по склону горы, кувыркаясь и мяукая, как самый простой кот. Он встал сконфуженный и, хромая, отошел от подножия горы.

Невозможно сражаться с людьми, у которых стреляющие головы, — сказал Лев.

Железный Дровосек взмахнул топором, попробовал гибкость суставов и решительно полез вверх.

Вернись, вернись! — вскричала Элли и с плачеи схватила его за руку. — Ты разобьешься о скалы! Что мы будем с тобой делать в этой глухой стране?

Слезы Элли мигом заставили Железного Дровосека вернуться.

— Позовем Летучих Обезьян, — предложил Страшила. — Здесь без них не обойтись!

Элли вздохнула:

— Если Стелла встретит нас враждебно, мы будем беззащитны!

Все же пришлось потратить последнее волшебство Золотой Шапки. Элли говорила волшебные слова, а Страшила повторял их, приплясывая от радости и грозя кулаками Безруким Коротышам.

В воздухе раздался шум, и стая Летучих Обезьян опустилась на землю.

— Что прикажет владетельница Золотой Шап-

ки? — спросил предводитель.

— Отнесите нас ко дворцу Стеллы, — ответила Элли.

— Будет исполнено!

И путники мигом очутились в воздухе.

Пролетая над горой, Страшила делал чудовищные гримасы Коротышам и отчаянно ругался. Безрукие Коротыши стреляли вверх головами, но не могли достать обезьян и бесновались от злости.

Гора быстро осталась позади, и взору путников открылась живописная, хорошо возделанная страна Болтунов, которой управляла добрая южная волшебница Стелла.

Болтуны были милые, приветливые люди и хорошие работники. У них был единственный недостаток — они страшно любили болтать. Даже находясь в одиночестве, они по целым часам говорили сами с собой. Могущественная Стелла никак не могла отучить их от болтовни. Однажды она сделала их немыми, но Болтуны нашли выход из положения: они научились объясняться жестами и по целым дням толпились на улицах и площадях, размахивая руками. Стелла увидела, что ей не переделать Болтунов, и вернула им голос.

Любимым цветом в стране Болтунов был фиолетовый, как v Жевунов — голубой, у Мигунов — желтый, а в Изумрудном городе — зеленый. Дома и изгороди были выкрашены в фиолетовый цвет, а жители одевались в ярко-лиловые платья.

Обезьяны опустили Элли с друзьями перед дворцом Стеллы. Караул у дворца несли три красивые девушки. Они с удивлением и страхом смотрели на появление Летучих Обезьян.

— Прощай, Элли! — дружески сказал предводитель Обезьян. — Сегодня ты вызывала мае в последний раз.

— Прощайте, прощайте! — закричала Элли. — Большое спасибо!

И обезьяны улетели с шумом и смехом.

— Можно ли видеть добрую волшебницу Стеллу? — с замиранием сердца спросила Элли.

— Скажите, кто вы такие и зачем сюда прибыли, и я доложу о вас, — ответила одна из девушек караула.

Элли рассказала, и девушка отправилась с докладом, а остальные приступили к путникам с расспросами. Но они еще не успели ничего узнать, как девушка вернулась:

— Стелла просит вас во дворец.

Элли умылась, Страшила почистился, Железный Дровосек смазал суставы и тщательно отполировал их, а Лев отряхнулся, разбрасывая пыль. Их накормили сытным обедом.

После всех приготовлений путешественников провели в богато убранный зал, где на троне сидела волшебница Стелла. Она показалась Элли очень красивой и доброй и удивительно юной, хотя уже много десятков лет правила страной Болтунов. Стелла ласково улыбнулась вошедшим, усадила их в мягкие кресла и сказала Элли:

— Рассказывай свою историю, дитя мое!



Безрукие Коротыша стреляли вверх головами, но не могли достать обезьян.

Элли начала длинный рассказ. Стелла и ее приближенные слушали с большим интересом и сочувствием.

— Чего ты хочешь от меня, дитя мое? — спросила Стелла, когда Элли окончила.

— Верните меня в Канзас, к дяде Джону и тетке Анне. Тетка Анна страшно беспокоится обо мне,

а дядя Джон, наверное, забросил все дела по хозяйству. И дядя Джон обещал взять меня с собой на ярмарку.

— Но ведь ты рассказывала, что Канзас — скучная и серая, пыльная степь. А посмотри, как красиво у нас!

— И все же я люблю Канзас больше вашей великолепной страны! — горячо отвечала Элли. — Канзас — моя родина.

— Хорошо сказано, дитя мое, — улыбнулась Стелла. — Твое желание исполнится. Но ты должна отдать мне Золотую Шапку.

— О, с удовольствием, сударыня! Да она и не нужна мне больше.

— А мне она понадобится. — И Стелла обратилась к Страшиле: — Что вы думаете делать, когда Элли покинет нас?

— Я хотел бы вернуться в Изумрудный город, — с достоинством ответил Страшила. — Гудвин назначил меня правителем Изумрудного города, а правитель должен жить в том городе, которым он правит. Ведь не могу же я управлять Изумрудным городом, если останусь в вашей стране! Но меня смущает обратный путь через гору Безруких Коротышей и через реку, где я тонул.

— Получив Золотую Шапку, я вызову Летучих

Обезьян, и они отнесут вас в Изумрудный город. Нельзя лишать народ такого удивительного правителя.

— Так это правда, что я удивительный? — просияв, спросил Страшила.

— Больше того: вы единственный! И я хочу, чтобы вы стали моим другом.

Страшила в восхищении поклонился доброй волшебнице.

— А вы чего хотите? — обратилась Стелла к Железному Дровосеку.

— Когда Элли покинет нашу страну, — печально начал Дровосек, — я буду очень грустить. Но я хотел бы попасть в страну Мигунов, избравших меня правителем. Я привезу в Желтый дворец свою невесту, которая — я уверен — ждет меня, и буду править Мигунами, которых очень люблю.

— Второе волшебство Золотой Шапки заставит Летучих Обезьян перенести вас в страну Мигунов и найти вашу невесту. У вас нет таких замечательных мозгов, как у вашего друга Страшилы Мудрого, но вы имеете любящее сердце, у вас такой блестящий вид, и я уверена, что вы будете прекрасным правителем для Мигунов. Позвольте и вас считать своим другом.

Железный Дровосек медленно склонился перед

Стеллой.

Потом волшебница обратилась ко Льву:

— Скажите мне ваши желания.

— За горой Безруких Коротышей лежит чудесный дремучий лес. Звери этого леса признали меня своим царем. Я хотел бы вернуться туда и провести там остаток своих дней.

— Третье волшебство Золотой Шапки перенесет смелого Льва к его зверям, которые, конечно, будут счастливы под управлением такого царя. И я рассчитываю также на вашу дружбу.

Лев важно подал Стелле большую, сильную лапу, и волшебница дружески пожала ее.

— Потом, — сказала Стелла, — когда исполнятся три последних волшебства Золотой Шапки, я верну ее Летучим Обезьянам, чтобы никто больше не мог беспокоить их выполнением своих желании, часто бессмысленных и жестоких.

И все прославили мудрость и доброту Стеллы.

— Но как же вы вернете меня в Канзас, сударыня? — дрожащим голосом спросила девочка.

— Серебряные башмачки перенесут тебя через пустыню, — ответила волшебница. — Если бы ты знала их чудесную силу, ты вернулась бы к тетке Анне в тот же день, когда твой домик раздавил злую Гингему.

— Но ведь тогда я не получил бы моих удивительных мозгов! — воскликнул Страшила. — Я до сих пор пугал бы ворон на фермерском поле!

— А я не получил бы моего любящего сердца, — сказал Железный Дровосек. — Я стоял бы в лесу и ржавел, пока не рассыпался бы в прах!

— А я до сих пор оставался бы трусом, — проревел Лев, — и, конечно, не сделался бы царем зверей!

— Все это правда, — ответила Элли. — И я ничуть не жалею, что жила в стране Гудвина. Я — только слабая, маленькая девочка, но я любила вас и всегда старалась помочь вам, мои милые друзья! Теперь же, когда исполнились ваши желания, я должна вернуться домой…

— Серебряные башмачки обладают многими чудесными свойствами, — сказала Стелла, — по самое удивительное их свойство в том, что они за три шага перенесут тебя хоть на край света. Надо стукнуть каблуком о каблук и назвать место…

— Пусть они сейчас же перенесут меня в Канзас!

Стелла улыбнулась девочке. Элли обняла за шею большого Смелого Льва и нежно перебирала его густую косматую гриву. Она целовала Железного Дровосека, и тот горько плакал, забыв о

своих челюстях. Она гладила мягкое набитое тело Страшилы и целовала его милое, добродушное, разрисованное лицо.

И, когда Элли подумала, что она навсегда расстается со своими верными друзьями, с которыми ей так много пришлось пережить вместе, которых она столько раз спасала и которые, в свою очередь, самоотверженно спасали ее самое, сердце ее сжалось от горя, и она громко зарыдала.

Стелла сошла с трона, нежно обняла Элли и поцеловала ее на прощанье.

— Не забывай нас, дитя мое! Будь всегда так же добра, так же заботлива ко всем окружающим, и они будут любить тебя так же крепко, как эти твои верные друзья.

Элли схватила Тотошку, стукнула каблуком о каблук и крикнула башмачкам:



Она целовала Страшилу в милое, добродушное лицо.

— Несите меня в Канзас, к дяде Джону и тетке Анне!

Неистовый вихрь закружил Элли, все слилось перед ее глазами, солнце заискрилось на небе огненной дугой, и, прежде чем девочка успела ис-

пугаться, она опустилась на землю так внезапно, что перевернулась несколько раз и выпустила Тотошку из рук.

Заключение

Когда Элли опомнилась, она увидела невдалеке новый домик дяди Джона, поставленный вместо унесенного ураганом. Тетка Анна смотрела на нее с крыльца, а дядя Джон бежал со скотного двора, размахивая руками.

Элли бросилась к ним и заметила, что она в одних чулках: волшебные башмачки потерялись во время третьего, и последнего, шага девочки. Но Элли не пожалела о них: ведь в Канзасе нет места чудесному. Она очутилась на руках у тетки Анны, и та осыпала поцелуями и обливала слезами кроткое недоумевающее личико Элли.

— Уж не с того ли света ты вернулась, моя крошка?

— О, я была в стране Гудвина! — просто ответила девочка. — Там множество интересного, но я все время думала о вас… и… Ездил ли дядя Джон на ярмарку?

— Нет еще, дитя мое! — ответил тот со смехом и слезами. — Разве до ярмарки нам здесь было, когда мы считали тебя погибшей и страшно горевали о тебе!

Несколько дней прошло в беспрерывных рассказах Элли об удивительной стране Гудвина, о ее верных друзьях — Мудром Страшиле, Железном Дровосеке и Бесстрашном Льве. Потом дядя Джон поехал в соседний городок на ярмарку и повел девочку в цирк. Там Элли неожиданно встретила Гудвина, и их радости не было конца.

